

**Жизнь святого апостола Павла
святитель Иннокентий, архиепископ
Херсонский и Таврический**

Жизнь в иудействе

Павел (в переводе с латинского – «малый, меньший»), до обращения в христианство – Савл («вождевленный»), один из величайших учителей Церкви Христовой, который после прочих Апостолов обратился к вере в Иисуса Христа, но более каждого из них содействовал покорению державе Его всего мира, произошел от иудейских родителей, «из рода Израилева, колена Вениаминова» (Флп. 3, 5). Многие из Отцов Церкви¹ со свойственной им духовной проницательностью находили в некоторых местах Ветхого Завета (особенно в 28 стихе 67 псалма) предсказания о происхождении Павла от этого колена. Выражение: «Еврей от Евреев», употребленное Павлом в Послании к Филиппийцам (Флп. 3, 5), чтобы указать свое происхождение, означает такого человека, между предками которого не было ни одного не обрезанного по обряду Моисееву – преимущество, стоившее того во времена Апостола, когда многие из иудеев происходили от язычников, обратившихся в иудейство, или даже сами были некогда язычниками. Значительное образование, для получения которого Павел был намеренно послан в Иерусалим, знакомство в юных годах с первыми лицами в иудейской столице, утонченные общежительные познания, следы которых весьма часто встречаются в его посланиях (1Кор. 10, 6; 2Кор. 11:1, 6, 12:11), заставляют думать, что он произошел не из низкого, по крайней мере не из бедного, сословия. Время рождения Павла, при всех попытках установить его, до сих пор остается неопределенным. Вероятно только, что оно недалеко отстоит от времени Рождества Христова. Известно, что отечеством Павла был Тарс (Деян. 9:11, 21:39, 22:3) – главный город Киликии, лежавшей у Средиземного моря и составлявшей одну из цветущих областей Римской империи. Блаженный Иероним Стридонский сообщает, что родители Павловы переселились в Тарс из иудейского города Гискала после того, как тот был взят и опустошен римлянами.

Фамилия Павлова, как явствует из Деяний святых апостолов (Деян. 22, 28), обладала весьма важным в тогдашние времена правом римского гражданства. Откуда это право? По сказанию Диона Хризостома, город Тарс за свою приверженность Юлию Цезарю, стоившую жителям его великих бедствий от Кассия, получил в царствование Августа многие права и преимущества, из чего некоторые писатели и заключили, что все жители Тарса пользовались правом римских граждан. Но при перечислении этих преимуществ не упоминается о праве римского

гражданства. Напротив, латинские писатели называют Тарс только вольным городом, а вольность, как привилегия, гораздо ниже права римского гражданства. Притом если бы все жители Тарса имели право римского гражданства, то римский трибун, как описывается в Деяниях (Деян. 21, 39), знавший о происхождении Павла из этого города, не осмелился бы подвергнуть его без суда телесному наказанию и Павлу не было бы нужды во избежание пытки объявлять, что он римский гражданин. Вероятнее, что кто-нибудь из предков Павла приобрел своему потомству право римского гражданства или посредством услуг, оказанных кесарям во время междоусобий, или за деньги. По свидетельству Диона Кассия, Юлий Цезарь даровал это право весьма многим чужестранцам. А Иосиф Флавий говорит, что иудеи очень охотно покупали его у корыстолюбивых римских правителей.

Гораздо важнее вопрос: получил ли Павел в юности греческое образование? Большая часть писателей, древних и новых, отвечали на него утвердительно. В самом деле, Тарс славился науками так, что жители его, по замечанию Страбона, соперничали в просвещенности с жителями Афин и Александрии, а поэтому невероятным кажется, чтобы родители Павла не воспользовались для образования своего сына теми средствами, которые находились у них, так сказать, под руками. Самые послания Павловы, по видимому, дают основания предполагать в нем знание греческих писателей, поскольку он приводит в них стихи некоторых поэтов: Арата (Деян. 17, 28), Менандра (1Кор. 15, 32), Епименида (Тит. 1, 12). Несмотря на это, гораздо вероятнее, что образование, полученное Павлом в Иерусалиме, не было предварено изучением в Тарсе греческой мудрости, ибо Савл был отправлен в Иерусалим в самых юных летах. "Жизнь мою, – говорит он, – от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи» (Деян. 26, 4). То же, без сомнения, означает и выражение: «воспитанный... при ногах Гамалиила», кое применяет, говоря о себе, Павел (Деян. 22, 3).

Родители Павла принадлежали к фарисейской секте, а фарисеи, по словам Иосифа Флавия, гнушались не только науками, но и самым языком необрезанных. При тщательном рассмотрении посланий апостола Павла, в самом образе их изложений открывается много доказательств того, что пишущий их не был знаком ни с каким другим образованием, кроме раввинского, бывшего в употреблении у тогдашних палестинских иудеев. Что же касается греческого языка, то из всего видно, что на нем пишет иудей, воспитанный в Палестине, привыкший к выражениям и словосочинению еврейскому². Мнения греческих поэтов, приводимые

Павлом, таковы, что могли быть известны всякому сколько-нибудь образованному человеку и без особенного упражнения в греческой литературе. Они походят на пословицы, каковыми часто становятся некоторые стихи любимых писателей. Впрочем, Апостол мог весьма часто слышать их во время своих путешествий по Греции, где лучшие стихотворцы перечитывались многими наизусть. Самое обращение его с уверовавшими язычниками доставляло ему много подобных сведений. Кроме того, мы знаем, что Апостол посвящал свободное от трудов время чтению книг³. Можно предположить, что между этими книгами были и некоторые греческие. Павел, как видно из Деяний (Деян. 17, 23), почитал за нужное предварительно узнавать дух и нравы тех людей, которым намеревался проповедовать. В этом отношении многие греческие поэты могли быть ему весьма полезны.

Желание дать сыну лучшее образование, впрочем, в духе отечественной, иудейской, религии, пример сограждан, которые имели обыкновение посылать своих детей путешествовать для усовершенствования их в науках, и, может быть, родственные связи, которые родители Савла имели с жителями Иерусалима (Деян. 23, 16), расположили их направить своего сына для обучения в Иерусалим, который еще почитался тогда средоточием иудейской мудрости. Как сын фарисея, Савл присоединился к секте фарисеев и сделался учеником Гамалиила, знаменитейшего из тогдашних еврейских законоучителей⁴. Если он тот самый Гамалиил, о котором упоминается в Деяниях (Деян. 5, 34), то он достоин быть наставником такого ученика, каким явился Павел. Отзыв его о христианстве показывает в нем человека здравомыслящего, который от Промысла и времени ожидает разрешения недоумений, возбуждаемых необыкновенными событиями, относящимися к религии, в твердой уверенности, что изобретение человеческое, сколько бы ни прикрывалось личиною Божественного происхождения, не может долго выдерживать характера Божественности и с продолжением времени исчезает само собою (Деян. 5, 35–39).

Юный Савл был «тщательно наставлен в отеческом законе» (ср. Деян. 22, 3), чего и надлежало ожидать, судя по знаменитости его наставника. Чрезвычайные дарования вскоре выделили его среди сверстников, так что немногие могли равняться с ним в разумении фарисейского богословия (Гал. 1, 14). Природная доброта сердца, а может быть, и пример наставника были причиною того, что Савл, не смотря на юные свои лета, когда обыкновенно любят более знать, нежели исполнять познанное, старался вести жизнь неукоризненную (2Тим. 1, 3) и был по «правде законной –

непорочен" (ср. Флп. 3, 6).

По обыкновению тогдашних иудеев обучать детей своих какому-нибудь искусству⁵, Савл с упражнением в науках соединял упражнение и в ремесле. Евангелист Лука называет его (согласно нашему славянскому переводу Деяний) «скинотворцем» (Деян. 18, 3). В чем бы ни состояло это искусство (ибо мнения о нем не совпадают⁶), из истории путешествий Апостола видно, что он мог заниматься им всюду, куда ни приходил, и что платы за труды доставало на содержание его вместе с сотрудниками в деле проповеди.

Апостол Павел сам некоторым образом характеризует дух образования, полученного им от Гамалиила, когда учение фарисейское называет "строжайшим» в отеческом вероисповедании (Деян. 26, 5). Нравственность фарисеев в Новом Завете проявляется, по большей части, в безобразном виде: они везде изображаются лицемерами, которые под личиной строгой набожности скрывают сердца исполненные гордости и корыстолюбия – черты, без сомнения взятые с натуры! Впрочем, основатели фарисейской секты могли производить и благопристойные впечатления. В сочинениях раввинов, которые обычно держались фарисейства, часто встречаются изящные правила нравственности. В творениях Иосифа Флавия, который также принадлежал к фарисеям, большей частью господствует здравый образ мыслей и, нередко, чистое нравственное чувство. Если в среде фарисеев многие только носили личину благочестия, то некоторые, вероятно, все же были тем, чем другие хотели только казаться. По крайней мере, нельзя думать, чтобы в их школах учили лицемерию. А поэтому образование Павла в фарисейском училище при таком учителе, как Гамалиил, могло оказать благотворное действие на развитие его нравственного характера, по крайней мере, не могло так повредить чистоте характера, как могут думать некоторые, основываясь на худом понятии о фарисеях.

Чтение книг Ветхого Завета, которым постоянно занимались в фарисейских школах, способствовало обогащению памяти Савла лучшими правилами нравственности и высокими образцами благочестия; любимое их упражнение – изъяснять многие места в иносказательном смысле, пролагало в его уме путь тому святому искусству – извлекать из «мертвого письма дух животворящий» (ср. 2Кор. 3, 6), которым ознаменованы все его послания, особенно к Евреям и Галатам. Даже то, что в образовании фарисейском было предосудительного: чрезмерная привязанность к человеческим преданиям и мнениям учителей, страсть все подводить под правила, ничего не оставляя нравственному чувству, низведение

нравственности из области духа в круг внешних, часто механических действий – все это впоследствии, под благотворным влиянием христианской религии, могло обратиться во благо. Люди с сильным умом и живым характером при душевных переменах, с ними происходящих, обыкновенно уклоняются в противоположную сторону, и уклоняются далеко. Это случилось и с Павлом.

По обращении в христианство он везде обнаруживает противоположный прежнему образ мыслей, даже там, где говорит и без непосредственного внушения Духа Божия, по собственному чувству (например, см. 1Кор. 7, 25–40). В самом начале своего апостольского служения он не только отверг нечистые человеческие предания, которые были отвергнуты и прочими Апостолами, вразумленными в их ничтожности учением и примером Иисуса Христа (Мф. 15, 1–9), но и проповедовал свободу христиан от обрядового закона – поступок, который долго подвергался едва ли не всеобщему нареканию, однако же был совершенно сообразен с духом новозаветного учения. Таким образом, Промысл, избравший Савла от чрева матери (Гал. 1, 15) на великое служение апостольства, обнаружил мудрое водительство и в том, что попустил ему провести юность свою «при ногах Гамалиила» (Деян. 22, 3).

Первое понятие о христианстве Павел, по всей вероятности, получил еще в школе Гамалиила, ибо нельзя думать, чтобы фарисейские наставники оставляли учеников своих в неведении о так называемой ими «новой секте», которая с самого своего начала сделалась весьма значительной и угрожала всем преданиям фарисеев. Невероятным даже кажется, чтобы Савл никогда не видал Иисуса Христа в продолжение Его земной жизни. Так, однако же, заставляют думать вся последующая история и все его послания. Павел нигде не упоминает о том, чтобы он видел Иисуса Христа, хотя во многих случаях было бы весьма прилично и даже нужно упомянуть об этом (например, см. Гал. 1, 12 – ср.: Деян. 1, 21 и др.). Напротив, он нередко говорит нечто такое, из чего должно заключить, что Иисус Христос не был ему известен лично (например, см.: Деян. 9, 5). Притом если бы Павел находился когда-нибудь в числе слушателей Иисуса Христа, то евангелисты, вероятно, заметили бы это обстоятельство, тем более что он, судя по его характеру, не мог быть безмолвным слушателем или зрителем Мессии.

Странность эту можно частично объяснить тем, что время открытого служения Иисуса Христа роду человеческому было непродолжительно и что большая часть его была проведена в путешествиях по Палестине, особенно по той ее части, которая называлась Галилеей. Иисус Христос

приходил в Иерусалим только на праздники, и то на краткое время, всегда почти удалялся от шумных собраний народа и проповедовал большей частью не там, где полагали враги Его (Ин. 11, 54–57). Поэтому-то были и такие люди, которым, при всем желании их видеть Его, не представлялся такой случай (Лк. 23, 8). С другой стороны, Гамалиил, сообразно своему характеру, вероятно, старался содержать учеников своих, особенно юных, как Савл, в удалении от всех народных собраний, которые в то время редко обходились без печальных последствий. Лишь по окончании своего образования Савл мог отлучиться из Иерусалима в Тарс к своим родителям. И можно ли перечислить все причины, которые могли воспрепятствовать Павлу видеть Иисуса Христа во дни Его земной жизни?

Из училища Гамалиилова Савл вышел тем, кем надлежало выйти ученику фарисея – «жарким ревнителем отеческих... преданий» (ср. Гал. 1, 14). Пылкость характера и юность возраста его были причиной того, что он не перенял у своего наставника самой лучшей, может быть, части его наставлений – искусства соединять с ревностью по вере хладнокровное рассуждение и благоразумную терпимость (Деян. 5, 33–39). Соучастие в убиении архидиакона Стефана, по-видимому, было не первым опытом приверженности Савла к отеческим преданиям, ибо оно не было столь значительно, чтобы первосвященники иудейские вследствие сего решились уполномочить юного фарисея на произведение тех кровавых гонений, которые, как увидим, последовали за смертью первомученика (Деян. 26, 10). Наклонность многих из тогдашних иудеев к языческим обычаям весьма часто представляла случаи к обнаружению патриотической ревности. Едва ли даже Савл (увлеченный пылкостью характера) не состоял в некотором отношении с ужасной в те времена сектой зилотов⁷. Наименование "ревнителя", которое он дает сам себе (Гал. 1, 14), расположенность к нему убийц Стефановых (Деян. 7, 58), которые, по всей вероятности, были зилоты⁸, делают эту догадку правдоподобной.

Когда таким образом ученик Гамалиилов, "имея ревность по Боге, но без рассуждения, и не разумея праведности Божией, ...усиливался поставить собственную свою праведность" (ср. Рим. 10, 2–3), праведность по вере в Иисуса Христа тем временем уже оказывала благотворное свое действие над многими из его братьев по плоти. Несмотря на гнусную клевету первосвященников о похищении тела Иисусова учениками Его и на строгие меры против провозвестников Его Воскресения, весь Иерусалим исполнялся славою имени Распятого: «слово Божие росло, и число учеников непрестанно умножалось, ...из самых священников

иудейских очень многие покорились вере» (ср. [Деян. 6:7](#)). Иудейству, и без того давно потрясаемому различными толками господствующих сект, угрожала новая величайшая опасность со стороны возникающего христианства.

Что должен был мыслить и чувствовать в этих обстоятельства Савл – юноша с пылким характером, патриотическим чувством, с умом сильным, но помраченным предрассудками, фарисей, от всего сердца приверженный к отеческому закону и обычаям, свято чтивший не только Моисея и Пророков, но и предания старцев, столь несообразные с духом христианства? Мог ли он обольстительную мечту о Мессии, царе-завоевателе, променять на почитание Креста, который еще недавно был предметом посмеяния для Иерусалима? Мог ли он ожидать для себя чего-нибудь доброго от той «секты», Основатель которой столь строго и часто вооружался против порочной жизни фарисеев – его наставников и воспитателей? Савл видел только опасность со стороны христианства, а поэтому питал к нему одно отвращение. Чудеса Иисуса Христа и Его Апостолов могли быть изъясняемы им так, как их вообще изъясняли фарисеи – содействием злых духов, легковерием народа и тому подобное. Внутреннее превосходство христианского учения также не могло трогать его: для этого требовалось спокойное углубление в дух христианской религии и в свою совесть, к чему ум, занятый предрассудками, не был способен. Только опытные и рассудительные люди, как Гамалиил, могли ожидать от Промысла разрешения недоумений, возбуждаемых успехами христианства. Павел думал, что ему «должно много действовать против имени Иисуса Назорея» ([Деян. 26, 9](#)) – и действовал!

Первые опыты Савловой вражды ко Христову имени, вероятно, состояли в спорах с провозвестниками оного ([Деян. 6, 9](#)). Но школьная ученость фарисейская недолго могла противостоять Стефану, исполненному Духа Божия ([Деян. 6, 10](#)). Сила слова заменена была насилием лжи ([Деян. 6, 13](#)). Правда Павлова характера не позволяет думать о том, чтобы он участвовал в сплетении клеветы на Стефана, однако же несомненно то, что он одобрял его убийство ([Деян. 8, 1](#)) и стерег одежды бесчеловечных Стефановых убийц ([Деян. 7, 58](#)). Он поступил в этом случае по совести, но только заблуждающейся. На нем, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, в точности сбылись слова Спасителя: «Убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» ([Ин. 16, 2](#)). Ему казалось, что он приносит Богу отцов своих самую приятную жертву, когда преследует распространителей «новой ереси», которая, по его мнению, имела целью ниспровержение иудейской религии. Если бы он

увидел, подобно Стефану, Иисуса, «сидящего одесную Бога Отца» (Деян. 7, 58), то, верно не опасаясь участи Стефановой, в ту же минуту исповедал бы Его Сыном Бога Живого. Но если гнавший не знал, Кого гнал, то Гонимый зрел уже в нем «избранный сосуд» (Деян. 9, 15).

Неисповедимый Промысл попустил ненависти Савла к христианам открыться в новых разительнейших явлениях, чтобы, как изъясняет сам Апостол, в нем "первом показалось все долготерпение Божие, в пример тем, которые будут веровать в Иисуса Христа к жизни вечной» (1Тим. 1, 16). Рассеяние верующих по смерти Стефана породило в уме его убийц мысль, что усиленное гонение положит конец «новой ереси». По крайней мере, Савл в ослеплении дерзнул на новые жестокости. Получив от первосвященников власть преследовать христиан, он с этой целью ходил «по всем синагогам», не довольствуясь этим, входил в дома их, не щадил ни пола, ни возраста, мучениями «принуждал... их... хулить имя /Иисуса/, ...заключал в темницы и, когда убивали их, подавал на то свой голос" (ср. Деян. 26, 10–11). Так может поступить человек с самой набожной совестью, когда он не проник в истинное свойство любви к Богу и ближнему! Успехи рассеянных христиан, которые всюду, где бы ни проходили, благовествовали имя Христово, подали Савлу случай простереть гонение на них за пределы Палестины. Еще дыша угрозами и убийством, он испросил у первосвященников письма к дамасским синагогам⁹ (Деян. 9, 2), чтобы, связав тамошних христиан, препроводить их в Иерусалим. Дамаск, весьма обильно заселенный иудеями¹⁰, представлялся Павлу обширнейшим полем для его действия. Римская власть, которая не терпела таких явлений, каким было убиение Стефана, не имела там силы, ибо Дамаск был завоеван незадолго перед тем Аретою, царем Аравийским (2Кор. 11, 32). Новый его властитель благоприятствовал иудеям¹¹ Письма первосвященника, и без того уважаемые в иноземных синагогах, в Дамасских должны были иметь силу закона и полный успех, который действительно последовал, только совсем в другом виде!

Обращение в христианство

Путешествие в Дамаск было тем временем, которое Промысл избрал для обращения Савла в христианство. Чем необыкновеннее это происшествие, чем разительнее открывается в нем Божественность христианской религии, тем драгоценнее для нас то, что мы имеем о нем весьма обстоятельные и несомненные сведения, сообщенные евангелистом Лукой (Деян. 9, 1–25) и двукратно самим Павлом (Деян. 22:5–16, 26:12–19). "Среди дня, – повествует он, – на пути я увидел... свет с неба, превосходящий солнечное сияние, который осиял меня и шедших со мною. Все мы ...пали на землю, и я ...слышал голос ко мне, говорящий на еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 26, 13–14).

Легко представить, сколь сильное впечатление должно было произвести это необыкновенное явление в пылкой душе гонителя! Он был уверен, что все неприязненные действия его против христиан непосредственно относятся к славе Божией, что он подражает в этом деле Финеесу и Илии, и вот на том самом пути, который свидетельствовал о его ревности по Боге, видит явление, которого он не мог не признать за Божественное, слышит с неба голос, жалующийся на преследование! В ту минуту должны были возобновиться в памяти его все злодеяния, причиненные им в Иерусалиме верным, должна была предстать его воображению смерть Стефана, бесчеловечие его убийц, кроткое спокойствие и небесное незлобие самого мученика. Совесть, конечно, уже внушала ему, пред Кем он виновен, но еще как бы не доверяя несправедливости своего дела, как бы желая дать знать, что он никого не гнал со злым намерением, всегда действовал по закону, Савл в трепете дерзнул спросить: «Кто Ты, Господи? ...Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян. 9:5, 26:15), – таков был ответ ему!

Нужно представить себя на месте Павла, чтобы почувствовать силу этих слов. Не было уже места сомнению в Божественности лица Иисусова, оставалось только место для страха и ужаса. Савл не знал еще, что Иисус есть Бог милосердия и щедрот, что Он пришел взыскать и спасти погибших и для того взшел на Крест, чтобы привлечь к Себе всех, обремененных грехами. Сообразно земному понятию своему о Мессии, он, без сомнения, думал увидеть в Нем строгого мстителя за поругание имени Своего, за мучение рабов Его, и ожидал для себя участи Дафана и Авирона. Но Гонимый явился не для того, чтобы наказать гонителя, но

чтобы сделать его Своим Апостолом. «Встань и стань на ноги твои, – вещал Господь, – ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными» (Деян. 26:16–18).

Ободренный этими утешительными словами, Савл желал знать, что требуется от него, чтобы соответствовать новому служению, на него возлагаемому, и получил ответ, что ему будет открыто о том в Дамаске. После того видение кончилось, оставив глубокие следы на очах Савловых (он сделался слеп) и еще глубже – в его сердце. Люди же, шедшие с ним, видели только свет и слышали голос, но Того, Кто говорил с ним, не видали и что говорил – не разумели¹².

Савл, ведомый спутниками, пришел в Дамаск. Слепота его продолжалась три дня, проведенные им без пищи и питья. Состояние духа его было в то время самое мучительное для ветхого человека, но тем благодатнее для человека нового: все силы ума и сердца должны были как бы переродиться для новой жизни во Христе Иисусе¹³. Лишенный света внешнего, он обратился ко внутреннему – молился, и получил видение, в котором представилось ему, что некто из христиан, именем Анания, возвратил ему зрение (Деян. 9, 12). В то же время последовало откровение и Анании¹⁴. Сам Иисус Христос (так много заботился Он о Своем гонителе!), являсь ему, повелел идти к Савлу для возвращения тому зрения. Анания ужаснулся, представляя лютость этого человека и его ненависть к христианам, но был успокоен тем, что прежний гонитель – теперь уже избранное орудие славы Христовой. Найдя Савла в доме некоего иудеянина, именем Иуда, он возложил на него руки и сказал: «Брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути... послал меня к тебе, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа». За словами тотчас последовало и действие: с глаз Савла как будто спала какая-то чешуя, он прозрел и немедленно принял крещение, без сомнения, от рук Анании (Деян. 9, 10–18).

Обращение Павла есть одно из необыкновеннейших событий, какими прославилась Апостольская Церковь. Потому-то Святые Отцы столь часто вспоминали о нем и с таким удовольствием углублялись в него размышлением. Оно служит утешительнейшим примером для всех грешников, особенно тех, которые имели несчастье питать ревность по Боге без рассуждения, и в то же время это обращение одно из самых

ощутимых доказательств Божественности христианской религии. В самом деле, не кроткий по природе человек, который бы сам по себе имел расположение к благотворному учению христиан, не слушатель Иисуса Христа, о Котором можно бы сказать, что он увлечен сладостью слов Его, – не такой человек видит Иисуса, Которого иудеи почитали мертвым, но упорнейший защитник иудейства, непримиримый враг имени Христова, жестокий преследователь почитателей Его, в котором первосвященники видели надежный оплот против разливающегося потока «новой ереси», одно имя которого приводило в трепет и таких людей, каков был Анания, прибытия которого в Дамаск христиане ожидали, как гнева Божия, а иудеи как посланного свыше хранителя, – одним словом, Савл видит Иисуса, признает Его Мессиею, Сыном Божиим, и делается ревностным провозвестником имени Его, презирающим самую смерть за истину нового учения. Какое ободрение для гонимых христиан! Какой страх для иудеев! Какой ужас для убийц Стефана – для убийц Иисуса Христа!

Савл не мог ожидать себе от христиан никаких земных выгод. Искал ли он чести? Она была оказана ему Верховным советом иудейским, который возложил на него самое важное поручение: истребить возникающее христианство. Исполнение этого поручения покрыло бы его новой славой и он мог бы получить право на самое высокое положение среди фарисеев. Напротив, христиане как сами не имели почестей, так не могли и обещать их, будучи гонимы и презираемы иудейскими властями. Искал ли он богатства? Христиане были бедны, многие из них жили милосердием своих братьев по вере, их последнее имущество подлежало расхищению, сама жизнь находилась в непрестанной опасности. Напротив, секта фарисеев изобиловала всеми временными благами и, пользуясь великим уважением в народе, могла доставить любимцам своим все им угодное. Надеялся ли он быть важным лицом среди христиан, начальником их «ереси»? Но что за слава быть главою общества, состоявшего из людей низкого происхождения, бедных, слабых, незнакомых с мирским просвещением, проповедующих добровольную нищету и самоотвержение? Кроме того, мог ли Савл надеяться на доверие к себе христиан после многократного проявления своей жестокости к ним?

Вся последующая жизнь святого Павла служит яснейшим доказательством того, что он сделался христианином не по каким-либо земным побуждениям, но единственно потому, что совершенно убедился в Божественности христианства чудесным явлением Иисуса Христа. Он везде проявляет строжайшее бескорыстие: имея полное право получать

содержание от тех, кто обязан ему своим спасением, питается, большей частью, своими собственными трудами; собирает милостыню по Церквам, им насажденным, но не для себя, а для бедных иерусалимских христиан; ищет славы, но единственно той, которая состоит в верном исполнении высоких обязанностей апостольства; не терпит, чтобы кто-либо из обращенных им назывался по его имени, «Павловым»; называет себя последним из Апостолов; хочет, чтобы его считали не более, чем служителем Иисуса Христа; вслух постоянно говорит, что он был гонителем и хульником и помилован единственно по милосердию Спасителя.

Но Савл не только не искал для себя у христиан никаких временных отличий, но еще должен был при переходе в христианство отказаться от тех, что имел в иудействе. Сделавшись христианином, он должен был потерять славу первого ревнителя и защитника иудейства, должен был ниспровергать отеческие предания, к которым он привык с детства, должен был разорвать нежнейшие узы родства и дружбы, ибо сродники и друзья его остались в иудействе. Этого мало. За веру в Иисуса Христа ему неминуемо надлежало сделаться предметом ненависти всех фарисеев, всего синедриона, всего народа иудейского.

Савл не был мечтателем, который внушения своего собственного чувства и игру воображения почитает за Божественные вдохновения. Энтузиастическая мечтательность происходит или от чрезмерного пристрастия к любимым мнениям, или от меланхолии, или от живого, но необразованного воображения, или от детского легковерия. Савл имел сильное пристрастие, но не к христианству, а к преданиям фарисейским; между тем, когда познал истину, то немедленно отверг их раз и навсегда. Его характер не был мрачным. Каким бы опасностям, скорбям, лишениям не подвергался он в продолжение своего апостольства, при всем том в нем не было ни малейших признаков малодушия, он был совершенно доволен своей судьбою, радовался среди самых страданий. Если он желал окончания своей жизни, то только потому, чтобы скорее соединиться с возлюбленным Спасителем. В этом желании не было ничего нетерпеливого, энтузиастического; потому-то когда он увидел, что для учеников его нужнее, чтобы он оставался в этой жизни, то употребил все справедливые способы к отдалению ее конца.

Савл имел живое воображение, но как строго оно было подчинено рассудку! Читая его послания, мы находим сильные порывы чувств – это невольное изливание сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему – но они никогда не выходят за пределы. Тем менее можно предполагать в

нем легковерие и неосмотрительность. Из одной истории его можно извлечь подобные правила христианского благоразумия. Он постоянно внушал своим ученикам все испытывать, дабы принимать одно доброе, упрекал их, когда они, подобно детям, "колебались всяким ветром учения» (ср. Еф. 4, 14), предостерегал их от ложных откровений и пророчеств, никогда не требовал себе слепой веры, напротив, хотел, чтобы они поступали по убеждению собственного своего ума. Так ли поступают люди с мечтательным характером?

Тем прискорбнее для сердца христианина, когда он находит, что в наши времена некоторые из так называемых христианских философов покушаются чудесное обращение апостола Павла изъяснить естественным образом. И пусть изъяснения их были бы действительно естественны, но, напротив, они таковы, что едва ли бы могли заслужить одобрение самих врагов Павловых – иудеев.

Весьма вероятно, так думают те, которые "мудрствуют сверх того, что написано» (ср. 1Кор. 4, 6), будто Савл после смерти Стефана начал сомневаться в справедливости гонения, воздвигнутого на христиан. На пути в Дамаск это сомнение еще более как бы усилилось. «Что, – размышлял он, – если христиане невинны, если правда все то, что они повествуют об Иисусе Христе, если этот Иисус, мною гонимый, есть действительно Мессия? Чего должны ожидать враги Его, чего должен ожидать я? О, если бы Он явился мне и уверил меня в Своей Божественности, я немедленно сделался бы христианином!». Когда душа Павлова была наполнена такими мыслями, вдруг будто нашло облако, ударил гром и Савл, ослепленный молнией, повергся на землю. Поскольку же иудеи почитали гром за некоторый вид Божественного откровения, смысл которого изъясняли сообразно состоянию своего духа, то это естественное происшествие и было почтено Савлом за таковое откровение. Ему показалось, что он видит Самого Иисуса Христа и беседует с Ним, между тем, эта беседа была не что иное, как разглагольствие его с собственной совестью. Решившись же вследствие этого явления обратиться ко Христу, он достигает Дамаска, вступает в общение с христианами и, узнав основательнее святость и чистоту их учения, принимает крещение.

Изъяснение это, сколько ни стараются придать ему вид правдоподобия, никак не может согласовываться с историческими сказаниями о Павловом обращении, основывается на недоказанных предположениях и опровергает само себя.

Несогласованность изъяснения с историческими сказаниями о Павловом обращении.

1. Павел свидетельствует, что он слышал голос, говоривший на еврейском языке (Деян. 26, 14): это непререкаемая черта действительного разговора с действительным лицом, ибо гром не может говорить ни по-еврейски, ни на другом каком-либо языке – это нелепость! С другой стороны, нельзя утверждать, что Павел размышлял сам с собою на еврейском языке – это также нелепость!

2. Павел рассказывает, что спутники его голос слышали, но никого не видели (Деян. 9, 7). Если под голосом понимается гром, то слова «никого не видели» будут совершенно лишние, ибо кто, слыша гром, будет думать, что это говорит какое-либо лицо? Если же голос, слышанный Павлом, был такого свойства, что в спутниках его он должен был вызвать представление о лице говорящем, то это верный знак того, что голос этот был членораздельный, сходный с голосом человеческим.

3. Павел весьма подробно описывает явление Иисуса Христа, замечает место и время, когда оно случилось; как было тут не упомянуть ему и о том, что голос, говоривший с ним, выходил из облака (Деян. 9:3, 22:6)? Напротив, он утверждает, что это случилось внезапно в полуденное время, то есть когда небо было совершенно чисто и нельзя было ожидать подобного явления с неба.

4. Когда удары громовые раздаются близко к человеку, то в таком случае звук следует непосредственно за светом, но Павел увидел сначала свет, а потом уже, павши на землю, услышал голос. Если же молния ударила далеко от Савла, то она не могла повредить его зрения.

5. В одном месте Деяний говорится, что спутники Павловы голос слышали (Деян. 9, 7), а в другом – написано, что они не слышали слов Того, Кто говорил с Савлом (Деян. 22, 9). Такое противоречие останется неизъяснимым, если под голосом будем понимать гром. Ибо в таком случае "не слышать» значит просто «не слышать», не ощущать слухом, но можно ли вместе и слышать, и не слышать? Однако это противоречие исчезает само собой, когда голос, услышанный Павлом, принимаем за голос членораздельный, ибо спутники могли слышать звук слов и не понимать их значения. Таким образом, о них можно было сказать, что они и слышали голос, и не слышали.

Основывается на недоказанных предположениях.

Мысль, что Савл перед путешествием в Дамаск начал колебаться в своей приверженности к иудейству, раскаявшись в жестокостях и гонениях, воздвигнутых на христиан, есть произвольная догадка, противоречащая истории. Ибо в каком расположении духа он отправился в Дамаск? «Дыша угрозами и убийством на учеников Господних» (Деян. 9, 1). Это ли признак человека, начинающего приходить к раскаянию? В продолжение путешествия не было случая переменить ему свой образ мыслей. Из вопроса, заданного им Иисусу Христу: «Кто Ты, Господи?» видно, что он непосредственно перед тем совсем не думал, как это предполагается, об Иисусе Христе, иначе упрек Спасителя: «Что ты гонишь Меня?» (Деян.9:5, 26:15) – тотчас пробудил бы в душе его мысль, что это Иисус, им гонимый. Не более силы имеет и то предположение, что иудеи во времена Иисуса Христа почитали гром за некоторый вид Божественного откровения. Изобретатели и защитники его вместо убедительных доказательств ссылаются на Евангелие от Иоанна (Ин. 12, 26), но место это, без явного насилия над строем речи, не может быть почитаемо за доказательство. Ссылаются еще на Иосифа Флавия, но у него громы суть только признак присутствия Божия – мнение, по всей вероятности, произошедшее от воспоминания синайского законодательства, в котором присутствие Божие обнаружилось громами.

Опровергает само себя.

Предполагается, что Савл был ослеплен и повержен на землю молнией, и в то же время предполагается, что он, поверженный на землю, мог спокойно размышлять сам с собою, задавать вопросы, отвечать, осуждать прежние деяния свои, решиться на перемену своей веры. Не истребляют ли сами себя эти два противоположения? Человек, пораженный молнией, способен ли к таким размышлениям? Опыт показывает, что такие люди лишаются чувств.

Итак, надлежит утверждать, что разговор Павла со своею совестью происходил не во время громовых ударов, а при дальнейшем продолжении им пути или в Дамаске. Но если это так, то мог ли Павел представлять его в виде разговора с Самим Иисусом Христом, происшедшего во время грома? Это мог сделать лишь стихотворец, а не Апостол.

Кроме того, надо заметить:

а) что Павел неоднократно ставит явление ему Иисуса Христа (1Кор. 9:1, 15:8; Гал. 1:1, 16) в один ряд с действительным явлением Его прочим Апостолам и выводит из этого истину и Божественность своего апостольства, но все это не иначе можно соотнести с правотою Павлова характера, как при условии, что ему действительно явился Иисус Христос;

б) прочие апостолы и все христиане, без сомнения, приняли Савла в свое сообщество не ранее, как после строгого исследования всех обстоятельств его чудесного обращения, совершенно уверившись, что он не был обманут собственным воображением. Что они не были легковверны к прежнему гонителю своему, ясно из апостольских Деяний (Деян. 9, 27–28).

Время обращения Павлова

По многим причинам полезно знать, в какой именно год по Вознесении Иисуса Христа случилось обращение апостола Павла. Но попытка определить в точности этот момент, столь важный по отношению к хронологии Деяний апостольских, сопряжена с великими неудобствами не только по причине недостатка ясных свидетельств, но и по причине разногласия прикровенных указаний, из которых нам посредством рассуждений надлежит вывести правдоподобнейшее мнение. Сделаем, однако же, то, что можно, если нельзя сделать всего.

Многие из прежних библейских хронологов полагали, что Павел обратился ко Христу в первый год по Вознесении Господнем (Деян. 9, 27–28). Но, приняв это мнение, следует утверждать, что происшествия, описанные в книге Деяний до 9 главы, содержащей историю обращения Павлова, случились в продолжение нескольких месяцев, что, судя по их количеству и качеству, маловероятно. Невероятно также и то, чтобы в продолжение столь незначительного времени христиане до того умножились в Дамаске, что для истребления их нужно было посылать туда Савла. Притом Павел сам рассказывает, что во время его обращения Дамаск находился под властью аравийского царя Ареты, но Сирия в 33 и 34 годах принадлежала еще римлянам и состояла под управлением Вителлия. Правда, защитники вышеприведенного мнения догадываются, что Арета в самом начале войны с Иродом Антипою из-за Иродиады (война эта началась в 34 году) совершил нападение на Дамаск, чтобы таким образом предупредить римлян, в приязни и содействии которых Ироду, своему врагу, он не мог сомневаться. Но эта догадка весьма неосновательна, ибо Арета, конечно, не был столько безрассуден, чтобы своим нападением на римские области настраивать против себя повелителей света.

История, напротив, говорит, что Вителлий, правитель Сирии, оставался спокойным зрителем борьбы Ирода с Аретою и требовал от кесаря повеления, как ему должно поступать в этом случае. Но если Арета до полученного Вителлием приказания от Тиверия доставить его живым или мертвым в Рим завладел Дамаском, то остается необъяснимым, почему славолюбивый и мужественный Вителлий, который принудил некогда парфянского царя принести жертву статуям Августа и Калигулы, не отразил тотчас силу силою, как того требовала честь римского имени и его собственная репутация? Он, без сомнения, сделал бы это и в том

случае, если бы Арета только осмелился окружить своими войсками Дамаск, как весьма убедительно поясняют слова Павловы [«стерег город Дамаск» (2Кор. 11, 32)] хронологи. Еще менее всего можно предполагать в Арете решимость осадить Дамаск после того, как Вителлий, вследствие Тивериева повеления помогать всеми силами Ироду, собрал свои войска для войны с аравами.

Но не завоевал ли Арета Дамаска и, следовательно, не могло ли последовать обращение Павла в христианство в 39 году по Рождестве Христовом, когда Вителлий, получив известие о смерти Тиверия, возвратил свои войска на зимние квартиры? Также невероятно, ибо римский военачальник ни в коем случае не позволил бы аравийскому властителю безнаказанно расхищать и присваивать себе области, находившиеся под его управлением. Вообще, доколе Вителлий был проконсулом Сирии (до 39 года), Дамаск не мог быть отнят у римлян. Значит, обращение Павла могло последовать, по крайней мере, не ранее 39 года нашей эры, или спустя пять лет по Вознесении Господнем.

Наиболее вероятно, что оно произошло в 40 год по Рождестве Христовом. Сирия не была тогда уже под управлением победоносного Вителлия. Бездеятельность и безрассудство преемника Тиверия Калигулы служили ободрением для врагов Римской империи, а поэтому Арета, который за три года до того разбил войска Иродовы, мог, гордясь успехом, отважиться на завоевание Дамаска. С этим мнением согласуются и важнейшие из хронологических указаний на время обращения Павлова, которые находятся в его посланиях и в Деяниях апостольских. Из Послания к Галатам видно, что первое путешествие Павла в Иерусалим последовало спустя три года по его обращении (Гал. 1, 18). Поскольку Павел называет здесь Иакова Младшего, с которым он виделся, братом Господним для того, конечно, чтобы отличить его от Иакова Старшего, то надо думать, что последний был в живых, когда Апостол в первый раз ходил в Иерусалим. Во время вторичного посещения Павлом Иерусалима Иаков Старший был умерщвлен. Кончина Апостола должна предвратить смерть царя Агриппы, его убийцы, только несколькими месяцами, ибо евангелист Лука о последней повествует непосредственно за первой. А смерть Агриппы, как достоверно известно, наступила в четвертый год Клавдиева царствования, или в 44 год нашей эры.

Итак, если обращение Павла, как мы видели, не могло последовать прежде 39 года и если Иаков Старший был в живых во время первого пребывания Павлова во Иерусалиме и мертв во время второго, то есть в 44 году, то это значит, что первое путешествие Павла в Иерусалим произошло

в 43 году, и, следовательно, обращение его должно быть отнесено к 40 году по Рождестве Христовом, или к шестому году по Вознесении Спасителя. То же подтверждает и сама причина, в силу которой предпринято было Апостолом второе путешествие в Иерусалим. Голод, от которого страдала тогда Иудея и который побуждал антиохийцев посылать через Павла милостыню в Иерусалим, начался в четвертый год Клавдиева правления (в 44 году по Рождестве Христовом) и продолжался, по свидетельству Иосифа Флавия, около двух лет. Павел, согласно пророчеству Агава, должен был, по всей вероятности, в самом начале бедствия отправиться в Иерусалим для того, чтобы доставить пособие "братьям христианам, живущим в Иудее» (Деян. 11, 29). А поэтому второе путешествие его приходится на 44 год, первое – на 43, и, следовательно, обращение его должно было последовать в 40 год.

Сказанному нами, по-видимому, противоречит Послание к Галатам, где Апостол говорит, что второе путешествие в Иерусалим предпринято было им спустя не четыре, а четырнадцать лет по его обращении: «Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим» (Гал. 2, 1). Но лучшие из древних и новейших критиков полагают, что в указанном месте надо читать не «четырнадцать», а "четыре"¹⁵. Впрочем, нет особенной нужды вносить изменение в настоящее написание, ибо наше мнение может вполне согласовываться с ним. Именно, Павел не говорит, что путешествие, о котором упоминает он в Послании к Галатам (Гал. 2, 1), было точно второе, а сообщает только, что спустя четырнадцать лет по обращении он опять ходил в Иерусалим. Судя по этому времени и по делам, которыми он занимался там, весьма вероятно, что он разумел под этим третье свое путешествие в Иерусалим, описанное в 15 главе Деяний. Причина, почему Павел упомянул непосредственно вслед за первым о своем третьем путешествии и обошел молчанием второе, состояла в том, что он при рассказе о пребывании в Иерусалиме имел целью показать свое равенство с прочими Апостолами, в подтверждение которого второе путешествие ничего более не предоставляло.

Первые подвиги Павла по обращении

В порядке вещей следовало бы предположить, что Павел по своем обращении в христианство будет искать случай вступить в сообщество Апостолов, чтобы, научившись от них таинствам новой веры, участвовать в их апостольских трудах. Так, может быть, поступил бы всякий другой, но не Павел. Призванный к христианству и апостольству «не человеками и не через человека» (Гал. 1, 1), но Самим Иисусом Христом, он от Него Единого ожидал наставления в великом служении своем, не почитая нужным советоваться о том «с плотью и кровью» (Гал. 1, 16), с кем-либо из людей, себе подобных. Анания, совершивший над ним крещение, мог преподать Павлу и некоторые первые понятия о предметах веры, но мог ли он сообщить ему "разумение всех таин Христовых» (ср. Еф. 3, 4), которые впоследствии оказались раскрытыми в посланиях Павловых, причем некоторые из них [например, тайна обращения ко Христу язычников (Еф. 3, 4–8)] были тогда запечатлены еще и для самих Апостолов?

Евангелие к евреям, из которого, по мнению некоторых критиков, Апостол заимствовал сведения о жизни Иисуса Христа и духе Его учения, в первые годы по обращении Павла еще не существовало. Из того, что в этом Евангелии упоминается о явлении Иисуса Христа апостолу Иакову [случай, не упомянутый прочими евангелистами, но упомянутый Павлом (1Кор. 15, 7)], не следует еще, чтобы оно было прочитано последним. Павел упоминает и о некоторых других происшествиях, описанных евангелистами [например, об установлении Тайной Вечери (1Кор. 11, 23–29)], однако можно утверждать, что он узнал о них не из Евангелий, а из непосредственного откровения. Он неоднократно в своих посланиях объявляет (и мы должны слушать его, оставляя все догадки в стороне), что все, чему он ни поучал, открыто ему Духом Святым (1Кор. 2:10). При таком учителе не было нужды в земных наставниках.

От жестокого гонителя христианства до ревностного проповедника Евангелия, от фарисея, помраченного предрассудками, до великого учителя языков, проповедующего премудрость, сокровенную в Боге – расстояние великое! Но для Павла оно не существовало. Едва только получил он телесное прозрение от Анании, как тотчас, согласно предсказанию Иисуса Христа (Деян. 26, 18), начал отверзать духовные очи другим. Быть христианином и проповедовать имя Христово для него означало одно и то же. Он уже имел все качества, потребные для высокого апостольского служения. Апостолу следовало быть самовидцем Иисуса

Христа – Павел видел Его, и, что важнее, видел не в состоянии уничижения, но в состоянии славы. Апостол должен быть избран Самим Иисусом Христом – Павел принял жребий служения не от кого-нибудь другого, как от Самого Христа. Апостол должен был принять Духа Святого – Павел был постоянно храмом Святого Духа.

Могли ли дамасские раввины противостоять новому проповеднику христианства? Им оставалось одно средство, столь угодное фанатизму, – прибегнуть к насилию. Оно немедленно было употреблено в дело: решили умертвить Павла. Дамасский градоначальник, содействуя врагам его, окружил стражей все выходы из города, чтобы обреченная на заклание жертва не могла спастись бегством¹⁶. Но прозорливая попечительность новых братьев Павловых по вере была гораздо деятельнее злобной предусмотрительности врагов его: в продолжение ночи он был спущен в корзине по городской стене. Так в самом начале апостольского служения Павлова открылась неизмеримая череда опасностей и скорбей, сквозь которые он должен был проходить до самого конца своей жизни, чтобы получить тот неувядаемый «венеч правды», который приуготовит ему «Господь... в день оный» (ср. 2Тим. 4, 8).

Из Дамаска Павел удалился в Аравию (Гал. 1, 17). Надо думать, что это путешествие его, как и все другие, имело своей целью проповедь Евангелия. Впрочем, подробности его для нас неизвестны, святой Лука даже не упоминает о нем. Возвратившись из Аравии, Павел снова посетил Дамаск и, несмотря на недавнюю опасность, снова проповедовал в нем Христа. От обращения его в христианство протекло уже около трех лет, и он решился побывать в Иерусалиме, чтобы увидеться с Петром (Гал. 1, 18). К этому путешествию могли расположить его отчасти потребность определить круг своего апостольского служения сообразно действию прочих Апостолов, отчасти желание видеть Матерь Церквей – Церковь Иерусалимскую – и соутешиться с самовидцами жизни Иисуса Христа преуспеванием христианства между иудеями и, наконец, отчасти ревностное желание возвестить имя Христово в том самом месте, где он явился упорным гонителем Его.

Иерусалимские христиане не могли не слышать о чудесном обращении Павла. Но трехлетнее пребывание его в Аравии, с которой палестинские иудеи, особенно в то время, не имели никакого общения, могло привести к забвению его беспритворного усердия к новой вере, проявленного им в Дамаске. Между тем они весьма живо помнили смерть Стефана, узы и темницы, в которые верующих ввергал Савл-гонитель. Поэтому неудивительно, что иерусалимские христиане удалялись от него,

не веря, чтобы он был учеником Иисуса, несмотря на то, что он, пришедши в Иерусалим, всячески старался присоединиться к ним. Павлу следовало представить поручителя в искренности своих намерений, и он нашел его в Варнаве, вероятно познакомившимся с ним в Дамаске. Тот, пользуясь доверенностью к себе всей Иерусалимской Церкви, представил Павла Апостолам, рассказав подробно как о чудесном обращении его, так и о ревности за имя Христово. Подозрения кончились, уступив место братской любви, и Павел с тех пор начал общаться с Апостолами на равных (Деян. 9, 28).

Пребывание его в Иерусалиме сопряжено было с великой опасностью: три года отсутствия не могли привести к забвению его измены (так, без сомнения, называли иудеи обращение Павла ко Христу) пред Великим синедрионом – причина, весьма достаточная для того, чтобы удержаться от проповедования Евангелия в Иерусалиме. Но Павел не знал страха в деле проповеди и бестрепетно возвещал вслух для всех и каждого, что распятый Назарянин, Которого он прежде гнал, есть истинный Мессия, Сын Божий! Иудеи иерусалимские в этом отношении были ничем не лучше дамасских: составилась заговор на жизнь проповедника. Все верующие увидели опасность, один Павел не хотел замечать ее. Напрасно братья советовали и просили его удалиться – душа его занята была одной мыслью, что Иерусалим, бывший свидетелем его гонения на христиан, должен стать свидетелем и его ревности ко христианской религии (Деян. 22, 17). Он готов был уже перед лицом синедриона омыть своей кровью позор соучастия в убийстве Стефана, но Промысл, который предопределил его к большим подвигам, не принял этой жертвы.

По обыкновению, Павел взошел во храм для молитвы. Кажется, наряду с прочим, молился он и о том, чтобы Промысл вразумил его, должен ли он остаться в Иерусалиме или, следуя совету братьев, удалиться из него. Посреди молитвы пришел он в восторг: ему явился Иисус Христос и повелел оставить Иерусалим, потому что иудеи не примут его свидетельства о Нем. В избытке святой ревности Павел представлял, что иерусалимляне, соблазненные его прежней жестокостью к христианам, ни от кого с такой убедительностью не смогут услышать проповедь Евангелия, как от него, и что пример его может возратить на путь правый тех, кто, подобно ему прежнему, имеет ревность без рассуждения. Но Господь объявил ему, что он предназначен быть Апостолом язычников, а не иудеев (Деян. 22, 17–21). Павел повиновался и был препровожден верующими сначала в Кесарию, а потом в Тарс – место его рождения (Деян. 9, 30). Было это в начале 44 года по Рождестве Христовом.

"Между тем христиане, рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана», пронесли слово Евангелия до «Финикии, ...Кипра и Антиохии» (Деян. 11, 19). В последней проповедь евангельская возобладала над столь многими душами, что иерусалимские христиане, услышав о том, почли за нужное отправить туда Варнаву для укрепления новоначальных в вере. Господь благословил труды этого добродетельного мужа, но жатва была так богата, что требовала не одного, а многих делателей. Зная отличные дарования и ревность ко Господу Павла, а также провидя его предназначение быть учителем язычников, из которых большей частью состояла Церковь Антиохийская, Варнава отправился за ним в Киликию и, найдя его в Тарсе, привел с собой в Антиохию (Деян. 11, 25).

Здесь Павел вместе с Варнавой целый год трудился над образованием Церкви. Успех был столь велик, что Церковь Антиохийская впоследствии сделалась, как известно, Матерью восточных Церквей. Святой Лука по этому поводу замечает, что «ученики в Антиохии... первыми стали называться христианами»¹⁷ (ср. Деян. 11, 26). Поскольку же это произошло, как полагают, от частого употребления Христова имени, то можно догадаться, что оно было непрестанно запечатлено не только в сердце, но и на языке Павловых учеников. Так верно и постоянно исполнял он свое намерение не казаться знающим что-либо, кроме Иисуса Христа, и того – Распятого! Предсказание Пророка Агава о скором голоде, который должен был наступить особенно среди иерусалимских христиан, потерпевших от иудеев разграбление имущества, расположило антиохийцев послать им братское пособие. По этому случаю Павел снова отправился в Иерусалим для доставки собранной милостыни. Если происшествия, описанные в 12 главе Деяний (убиение апостола Иакова Иродом, заключение и чудесное освобождение Петра, внезапная смерть Ирода, убийцы Иакова), случились, как следует думать, во время пребывания Павла в Иерусалиме, то оно продолжалось около года, и подробности его нам неизвестны.

Первое апостольское путешествие Павла

По возвращении из Иерусалима Павел недолго оставался в Антиохии. Уже наступило время, когда ему надлежало явить себя на великом поприще учителя язычников. Он и прежде благовествовал им Евангелие, но его голос сливался с голосами других проповедников; он назидал на основании, уже положенном другими его предшественниками, между тем как ревность к распространению истины побудила его проповедовать там, где еще не было известно имя Христово.

К столь великому подвигу Павел приуготовлен был новым, чрезвычайным откровением, о котором упоминается им во Втором послании к Коринфянам и которое, по наиболее вероятному хронологическому¹⁸ соображению должно быть отнесено к этому времени. Сущность и образ этого откровения описаны самим Павлом в следующих словах: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (/только/ не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2Кор. 12, 2–4), которых человек пересказать не может. Хотя Апостол говорит здесь о себе в третьем лице, не приходится сомневаться, что он изображает тут самого себя. К такому заключению приводит уже краткое вступление, которым начинается повествование об откровении: «Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним» (2Кор. 12, 1). Того же вывода требуют и следующие за этим повествованием слова: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (2Кор. 12, 7), которые будут излишними, по крайней мере, совершенно неожиданными, если предшествующее повествование не подразумевает самого Апостола. Самая цель, ради которой упоминается об откровении, не позволяет относить эти его слова к кому-нибудь другому, кроме Павла, ибо он хотел доказать этим истину своего апостольского достоинства сомневающимся в том лжеучителям. В этом отношении рассказ о чужом опыте ничего не сообщал бы нового в пользу Павла. Относительно же самого откровения представляют интерес следующие вопросы: что за состояние, в котором находился Павел? Куда он был восхищен и что слышал? Для чего дано такое откровение, которого человеку невозможно пересказать?

Состояние Павла в продолжение явленного ему откровения было

таково, что он сам себе не мог дать в нем отчета. «В теле ли, – говорит он, – находился я тогда, было ли со мною тело, или вне тела, одна душа оставалась? Не знаю: Бог один знает». И прочие святые мужи, когда получали откровения, разрешались, более или менее, от уз телесной природы, возносясь в область своего духа, но для Павла в продолжение откровения эти узы будто вовсе не существовали. Он весь был в духе, а дух весь в Боге. Для всемогущества Божия, конечно, ничего не значило на время совершенно восхитить душу Павлову из тела, но трудно усмотреть необходимость в таком беспримерном для самых благочестивых людей отлучении в живом человеке души от тела, как об этом пишет святитель Иоанн Златоуст в толковании на Второе послание апостола Павла к Коринфянам.

Мир духовный, куда был восхищен Павел, как не подлежащий пространству, существует везде и нигде, а потому требуется только, чтобы в духе человека раскрылась способность к сообщению с ним, и он, оставаясь в теле, без всякой перемены места, может быть на небе – в обществе Ангелов и блаженных душ. Раскрытие таковой способности по необходимости сопряжено с ослаблением обыкновенного союза души с телом, с некоторым бездействием низшей, чувственной природы, «ибо... тело... тленное, – как замечает премудрый Соломон, – отягощает душу, и земное жилище обременяет ум» (Прем. 9, 15) и не попускает ему возноситься в свойственную ему область духа.

Духовная область, в которой пребывал Апостол, называется третьим небом и раем. Позднейшие иудеи отмечают семь небес¹⁹, но их третье небо низко для Павла. В Священном Писании, кроме воздушного и звездного неба, упоминается о "небесах небес" (ср. Пс. 148, 4). Эти небеса, вероятно, и разумел Апостол под третьим небом. Название духовной области раем, хотя также не совсем определенное, характеризует, однако же, понятие третьего неба. Основываясь на значении этого слова, следует полагать, что Павел был восхищен в мир духовный, в блаженное жилище небожителей. Здесь-то и слышал он такие слова, которые невозможно пересказать. По-видимому, если можно было слышать, то можно и пересказать, но Павел слышал их, находясь в возвышенном, сверхъестественном состоянии духа. После того, как он нисшел с этой высоты в обыкновенное свое состояние, дух его снова заключился в темнице плоти, хотя осталось в душе некоторое представление о предметах небесных, но для выражения их уже не находилось слов на языке человеческом.

Такое откровение, несмотря на то, что его невозможно было

пересказать другим, возымело благотворное действие как по отношению к самому Апостолу, так и ко всем верующим. Оно показывало, как замечает святитель Иоанн Златоуст, что Павел ничем не ниже прочих Апостолов, и могло служить к утешению и ободрению Апостола на его многотрудном поприще. Подобным же образом из него могут почерпнуть для себя назидание и утешение и все верующие. В апостоле Павле, восхищенном в рай, мы имеем очевидного свидетеля будущего блаженства праведных.

Упомянув об откровении, данном Павлу, нельзя обойти молчанием и другого обстоятельства, о котором он упоминает непосредственно за этим откровением. «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, – говорит Павел, – дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (2Кор. 12, 7). Некоторые, вслед за святителем Иоанном Златоустом, считали, что здесь говорится о противниках, с которыми надлежало бороться Павлу, каким был, например, Александр медник, на которого он жаловался во Втором послании к Тимофею (2Тим. 4, 14). В самом деле, ангелом зла или посланником сатаны, по употреблению этих слов в Ветхом Завете, мог быть назван какой-нибудь упорный противник истины, поощряемый сатаною. Но выражение: « жало в плоть» показывает, что источник страданий Апостола скрывался в его теле, в каком-либо недуге телесном, который мучил Апостола особенно тем, что препятствовал его ревности в деле проповеди. С этим мнением согласуется и древнейшее предание. Еще Тертулиан разумел под жалом плоти болезнь ушей, а блаженный Иероним – вообще болезнь головы. Посланицею сатаны названа эта болезнь не потому, что она якобы была непосредственным произведением духа злобы, ибо, говоря словами святителя Иоанна Златоуста, мог ли диавол иметь власть над телом Павла, когда сам подлежал его власти, как раб? Но болезнь эта могла быть так названа или по своей лютости, или по ее действиям, которые шли во вред христианству и, следовательно, в пользу царства тьмы.

Само путешествие Апостола для проповеди язычникам было предпринято вследствие откровения некоторым из предстоятелей Апостольской Церкви. Дух Святый повелел им, чтобы «Савл... и Варнава выделены были на дело, для которого Он их... призвал» (Деян. 13, 2), то есть на проповедь язычникам. Вместо всех напутственных приготовлений они, «совершив пост и молитву, ...возложили руки на избранных и отпустили их в путь» (Деян. 13:3). Вместе с ними отправился и Иоанн, прозванный Марком, сродник Варнавин, но время вскоре покажет, что он был еще неспособен разделять с Павлом труды апостольства.

Кто, глядя на этих бедных, бесславных путников, мог подумать, что

они вскоре ниспровергнут всех идолов, пред коими, после некоторых неудачных опытов противоборства, с благоговением преклонилась витийственная мудрость философов Греции и Рима, что они среди развращеннейших городов Азии и Европы, где нечестие было уполномочено законом, где был самый престол сатаны, из их же развращенных граждан образуют в течение нескольких лет совершеннейшие общества людей, каковых самые Платоны могли только желать, не имея надежды увидеть на самом деле? Но где творится дело Божие, там все становится возможным. Бог положил буйством проповеди спасти мир, и проповедь Павла должна была произвести чудеса.

Будучи посланы Духом Святым, путешественники не имели и другого руководителя в пути, кроме Него. Сначала прибыли они в Селевкию, приморский город, лежащий против острова Кипра. «Оттуда отплыли в Кипр» – отечество Варнавы (ср. Деян. 13:4, 4:36). Это последнее обстоятельство и, может быть, слух, что на Кипре находились уже некоторые из христиан, были причиною того, что этот многолюдный остров первый удостоился услышать благовестие. Огласив саламинские²⁰ синагоги именем Иисуса Христа, проповедники прошли потом весь остров до города Пафа, славившегося своим служением Венере²¹. Здесь чудодейственная сила Божия открылась (насколько известно) в первый раз в Павле. Тамошний проконсул Сергей Павел, которого автор Деяний называет «мужем разумным, ...пожелал услышать слово Божие». Однако некий иудеянин, именем Вариисус, который выдавал себя за волшебника и пользовался доверием проконсула, всемерно "старался отвратить" его "от веры". Но Павел, исполнившись Святаго Духа, устремил на него взор и сказал: «О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени» (Деян. 13, 7–12). И волхв тотчас ослеп, а изумленный этим чудом проконсул немедленно принял крещение.

С этих пор евангелист Лука в своем повествовании о путешествиях Апостола постоянно называет его Павлом, между тем как до проповеди слова Божия на Кипре всегда именовал его Савлом. Такая смена имен позволяет думать о том, что Апостол примерно в это времена и переименовал свое имя на новое. Блаженный Иероним решительно полагал, что Савл назвал себя Павлом по случаю обращения в христианство проконсула Павла, чтобы в новом имени своем иметь как бы некоторый знак столь славной победы над знаменитым римлянином подобно тому, как римские военачальники получали прозвища от названий городов и областей, ими

покоренных. Но подобный знак, очевидно, несовместим со смирением Апостола, который весь успех своей проповеди всегда приписывал не себе, а Божией благодати. Поэтому многие Отцы Церкви (святители Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский и другие) держались мнения, что Апостол переменял свое имя еще при крещении. В подтверждение этого указывают на обыкновение иудеев обозначать важные события в своей жизни переменной имени. Но если это так, то почему святой Лука начал употреблять имя Павла не ранее, как по обращении проконсула? Нельзя не признать, что эти два события (обращение проконсула и перемена имени) находятся в связи. Итак, в чем состоит эта связь?

Вероятно, проконсул из любви и уважения к Павлу предложил ему свое имя, как то делали и другие знаменитые римляне с людьми, ими любимыми и уважаемыми, а Павел не отрекся от восприятия этого имени, которое по своему значению совершенно соответствовало его смирению, поскольку он называл себя "...меньшим из апостолов» (1Кор. 15:9). Впрочем, обращение проконсула могло оказать влияние на употребление имени Павла и в том случае, если Савл воспринял его еще при крещении. До сих пор оно, как еще малоизвестное, оставалось без употребления. Но с этого времени Апостол из уважения к вере проконсула и, может быть, по его просьбе начал постоянно применять его к себе, а прежнее имя Савл таким образом вышло из употребления. Невероятнее всего мнение тех, кто предполагает, что Апостол переменял имя для того, чтобы не узнавали в нем прежнего гонителя христиан. С таким намерением он не избрал бы себе имени «Павла», которое по сходству звучания невольно приводило на память «Савла». Равным образом неосновательно мнение и тех, кто говорит, что Апостол еще при обрезании получил два имени. Действительно, иудеи давали иногда при совершении этого своего обряда два имени, но всегда избирали такие, которые были несходны по звуку.

Из Пафа проповедники отплыли на твердую землю, в Малую Азию. Здесь Марк, «отделившись от них», возвратился в Иерусалим вопреки желанию Павла и Варнавы (Деян. 13:13, 15:38). Последние чрез Пергию Памфилийскую достигли Антиохии Писидийской²². В день субботний Апостол со своими спутниками явился в тамошнюю синагогу. После обычного чтения из закона и Пророков начальники ее предложили посетителям сказать что-нибудь в назидание и утешение народу. Нельзя было ожидать лучшего случая для проповеди. Обширная нива представлялась сама собою и Павел начал щедрою рукою бросать семена благовестия. Напомнив о благодеяниях, которыми Бог ущедрил народ еврейский (как Он извел его из Египта, питал чудесным образом в

пустыне, даровал им судей для управления и защиты, наконец, избрал на царство прежде Саула, а потом Давида, мужа по сердцу Своему) Павел утверждал, что обетование, данное Давиду об имеющем произойти из его потомства Мессии, сбылось на Иисусе, Который перед появлением Своим народу был возведен Иоанном Крестителем, но, не признанный первосвященниками, был осужден на смерть и распят согласно предсказаниям о Нем Пророков. Впрочем, Бог воскресил Его из мертвых, и Он явился по Воскресении Своем многим из учеников, что также предвозвещено было Пророками и самим Давидом. Во имя Сего-то Воскресшего Мессии возвещается верующим в Него отпущение грехов и оправдание, которого не мог доставить им Моисеев закон. А потому иудеям должно быть осторожными, чтобы, по примеру первосвященников отвергнув Иисуса Христа, не подвергнуться ужасной казни, которую Бог накажет "презрителей" Сына Своего (ср. Деян. 13, 41).

Речь эта произвела сильное впечатление на слушателей. Многие из иудеев и прозелитов (язычников, обратившихся к иудейской религии) последовали за Апостолом, чтобы получить от него обстоятельнейшее наставление в вере. «В следующую субботу почти весь город собрался слушать Слово Божие» (Деян. 13, 44). Но столь счастливому началу не соответствовал достойный завершения этого дела конец. Иудейские раввины не могли равнодушно взирать на то, что бедные пришельцы вызывали к себе уважение всего города; может быть, соблазняла их и свобода, с которою Апостолы, вопреки обыкновению иудеев, обращались с язычниками. Исполнившись зависти и злобы, они вместо того, чтобы своим примером располагать других в пользу нового учения, стали противоречить проповедникам и злословить их. "Вам, – отвечал им Павел со дерзновением, – первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот мы теперь обращаемся к язычникам. Ибо так заповедал нам Господь» (Деян. 13, 46–47). Слова эти тем более расположили в пользу Евангелия язычников, которые никогда не замечали подобного беспристрастия в иудейских раввинах, ибо последние всегда подчеркивали великое различие между иудеем и эллином. Но не менее возрастала при этом и ненависть иудеев к ним. Не имея возможности действовать против Апостолов собственными силами, они возбудили против них некоторых женщин, славившихся набожностью и знаменитостью рода (любимое орудие фанатизма). Влияние последних на городских правителей привело к тому, что Павел и его спутники, «отряси... прах от ног своих», оставили Антиохию (ср. Деян. 13, 44–52).

Подобные плоды принесла и проповедь Павла в Иконии. Великое число язычников и иудеев признало над собою победу Евангелия, но некоторые из последних были столь упорны, что отвращали от веры и других. Постоянство Апостолов, которые, несмотря на опасность, продолжали трудиться над обращением заблудших, дало время созреть злобе врагов их. Дошло до открытого возмущения: весь город разделился на две части, из которых одна почитала Павла и Варнаву за посланников Божиих, а другая обвиняла их как врагов отечественной религии. Уже неистовая толпа народа, предводимая своими слепыми вождями, текла для умерщвления свидетелей истины, но они, будучи заблаговременно предупреждены об угрожающей им опасности, удалились в Ликаонские города Листру и Дервию (Деян. 14, 1–7).

Здесь чудотворная сила Павлова произвела самое необыкновенное действие на сердца жителей города. Доказательством этому служит следующий случай. В Листре среди слушателей Павла находился некий нищий, который не владел ногами от самого рождения. Сила слова, а может быть, и слух о необыкновенных деяниях новых проповедников настолько расположили его к христианству, что он в духе живой веры ожидал от них себе исцеления. Павел, взглянув на него и прочитав это на его лице, именем Иисуса Христа велел ему встать на ноги и ходить. Хромой вскочил, как будто никогда и не был увечным. Явленное чудо должно было уверить всякого в непосредственном содействии Божиим тому человеку, который произвел его, но в глазах ликаонцев-идолопоклонников оно показалось признаком непосредственного присутствия самих богов. "Боги, – говорили они, – в образе человеческом сошли к нам» (Деян. 14, 11). Варнава, как старший летами, почтен был за Зевса, а Павел, отличавшийся даром слова, за Ермия (Гермеса)²³. Весть о явлении богов немедленно распространилась по всему городу. Жрец идола Зевса поспешил приготовить жертву и вывел за город (где было произведено чудо) волов, увенчанных венками, чтобы вместе с народом совершить жертвоприношение.

Чудотворцы не менее ликаонцев изумились, когда узнали, что им готовится божеская почесть. Разодрав свои одежды, они бросились в середину народа (который, вероятно, несколько удалился от них из благоговения), восклицая: «Братия, что вы... делаете? ...Мы не боги, а люди, вам... подобные. Мы проповедуем, чтобы вы оставили ложных богов, вами почитаемых, и обратились к единому истинному Богу, ... Который есть Творец неба и земли. Он попустил язычникам ходить до времени своими путями» (ср. Деян. 14, 15–17), следовать своему

нечистому образу мыслей о Боге, впрочем, никогда не оставляя их без свидетельства о Своем бытии. Блага, которыми вы наслаждаетесь, дожди, падающие с неба, благорастворение воздуха, плодоношение полей и виноградников ваших – все есть дар Его Отеческой десницы. Эти разительные слова едва убедили суеверный народ оставить свое безумное намерение и не приносить им жертвы.

Столь невероятное уважение ликаонцев к Павлу и Варнаве позволяло ожидать, что весь их город обратится ко Христу. Так, конечно, и было бы, но иудеи превратно истолковали их слова, обвинив во лжи. Воспрепятствовав успехам проповеди Евангелия в Антиохии и Иконии, они не могли равнодушно слышать об успехах Апостолов в Ликаонских городах. Придя в Листру, иудеи своей клеветой до того довели неразумный народ, что он побил камнями того самого человека, который недавно был почитаем ими за Гермеса. Изнемогший под ударами камней, Павел упал на землю и, почитаемый за мертвого, был вытасчен за город как злодей, недостойный погребения. Какое торжество для его злых врагов! Но истина бессмертна. Те из листрян, которые остались верными Христу, собрались вокруг своего полумертвого учителя. Подкрепляемый благодатью и чистой совестью, он, собравшись с силами, встал и в сопровождении своих почитателей возвратился в город. Поскольку нельзя было ожидать успеха проповеди у ожесточенного народа, то Павел удалился из Листры в Дервию. Злоключение, которое им довелось претерпеть в первой, вознаграждено было духовным утешением в последней: здесь многие со всем усердием присоединились к числу учеников Господа (Деян. 14).

Нельзя при этом не заметить, что в ряду противников христианской религии почти всегда первыми и упорнейшими были иудеи – замечание, подтверждаемое не только историей апостольского служения Павлова, но и всей историей христианства первых веков. Закоренелый предрассудок, гласящий, что они одни вследствие завета Божия с Авраамом имеют право на благодеяния Божии, ниспосланные в лице Мессии, ложное мнение, сводящееся к тому, что исполнения обрядового закона достаточно для оправдания себя пред судом Божиим, и другие заблуждения, питаемые гордостью и корыстолюбием, преграждали путь к сердцам иудеев благотворному учению о вере во Иисуса Христа. Им нужна была не такая религия, которая уравнивала бы их с язычниками, ими презираемыми, а такая, которая еще более возвышала бы их мнимые права и преимущества.

Не таково было состояние язычников. Им нечем было хвалиться во плоти, они не считали своими предками Авраамов и Давидов, «были

чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире» (Еф. 2, 12). Приверженность к бездушным идолам, ослабляемая философией и здравым смыслом, уже давно погасла во многих из них. Нужда в новой лучшей религии давно пробудилась и сделалась почти всеобщей потребностью того времени. Потому-то многие из язычников уже тайно или явно держались иудейства, которое при всех несовершенствах своих привлекало сердца служением единому Богу. Но иудеи, позволяя язычникам участвовать в своих благочестивых собраниях и разделять с ними надежду жизни вечной, не переставали, однако же, выставлять перед ними свои преимущества, не стыдились твердить, что язычник не иначе может войти в рай, как под ризою иудея. Итак, могли ли язычники равнодушно внимать провозвестникам Евангелия, которые отверзали для них врата Царствия Небесного, затворяемые раввинами? Могли ли они не прославлять благость Божию (Деян. 13, 48), которая простерла и на них отеческий взор свой, даруя им религию, которую давно искало их сердце? Естественно, что они охотнее иудеев преклонялись под легкое иго Евангелия и постоянное носили его.

На обратном пути в Антиохию Павел снова посетил своих учеников в Листре, Икони и Антиохии Писидийской. В его отсутствие они должны были претерпеть много зла как от иудеев, так и от язычников, оставшихся во тьме идолопоклонства, а потому присутствие его было для них присутствием Ангела-утешителя. Земные утешения не могли иметь места в этом случае: вера питается не землею, а небом. Павел старался открыть для них неисчерпаемый источник утешения в самом существе принятой ими религии, вразумляя их, что Царствие Божие, внутреннее соединение с Богом в духе, не иначе может быть достигаемо, как путем скорбей и искушений. Для устроения внешнего порядка между новообращенными, распространения истинной веры и благодеяния он рукоположил к каждой Церкви пресвитеров и, препоручив их Господу, отправился со спутниками в дальнейший путь. Пройдя через Пергию, в которой они проповедовали слово Божие, путешественники достигли Атталии, из которой отплыли обратно в Антиохию. По их прибытии немедленно собрались верующие: каждый желал услышать об успехах проповеди. Повествование Павла исполнило сердца всех радостью и благодарением Промыслу, который отверз дверь веры для язычников.

В апостольских Деяниях не сказано, как долго продолжалось первое путешествие Павлово по обращению язычников. Надобно полагать, что оно длилось около двух лет. Нужно было время и на путешествие, и на проповедь, и на устроение новосозидаемых Церквей. Так, о пребывании

Павла в Иконию сказано, что оно продолжалось довольно долго (Деян. 14, 3), притом что Апостолы проповедовали еще и в некоторых других городах, о которых не упоминает святой Лука (Деян. 14, 6).

Пробыв довольно долго в Антиохии, Павел должен был в третий раз идти в Иерусалим. Поводом к этому путешествию было нестроение, происшедшее в Антиохийской Церкви, виновниками которого были иудействующие христиане. Придя из Иерусалима, они, возроптав, начали внушать братьям, что без соблюдения обрядового закона, особенно без обрезания, невозможно получить спасение. Павел с Варнавою ревностно восстали против этого заблуждения, столь несовместимого с христианскою свободой. Уважение, которым они пользовались за свои апостольские труды, придавало значимость их мнению, но при необходимости выходцы из Палестины могли сослаться также в качестве примера и на старейших Апостолов, обычаи Иерусалимской Церкви и тому подобное. Споры, происшедшие по этому случаю, окончились ничем, и юная годами Церковь Антиохийская, не имея возможности самостоятельно разрешить возникшие недоумения, решила прибегнуть к совету своей Матери – Церкви Иерусалимской, положив Павлу и Варнаве отправиться по этому делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим. Для отвращения подозрений в пристрастии, они взяли с собою некоторых из братьев, вероятно, таких, которые придерживались противоположного мнения.

Проходя Финикию и Самарию, путешественники утешали и радовали тамошних христиан повествованием об успехах своей проповеди и обращении язычников (Деян. 15, 3). С таким же удовольствием слушали их рассказы об этом и в Иерусалиме. Торжество веры христианской было тогда торжеством каждого христианина. Между тогдашними учениками и последователями Церкви Христовой совсем не было еще того преступного равнодушия к успехам своей религии, которое наконец сделалось едва ли не всеобщим, спустя восемнадцать столетий.

Для разрешения спорного вопроса, предложенного Павлом, собралась вся Иерусалимская Церковь. Но не было согласия и здесь, так же как и в Антиохии. Уверовавшие в христианство фарисеи упорно требовали, чтобы обращающиеся язычники были подвергаемы обрезанию. Ожидали мнения председателей собора – Апостолов. Петр, вразумленный в тайну спасения язычников посетившим его откровением, первый предложил, что не следует возлагать на язычников того ига (обрядового закона), которого не могли понести сами иудеи. После этого начал говорить Павел. Вместо рассуждений и доказательств, он рассказал собранию историю своего апостольского путешествия, из которой самым очевидным образом

открывалось, что Дух Святой в излиянии даров Своих на учеников Павловых не полагал никакого различия между обрезанными и необрезанными и что, следовательно, обрезание не составляет необходимой принадлежности Нового Завета. Наконец, речь Иакова, который сказанное Петром и Павлом подкрепил пророчествами из Ветхого Завета, утвердила торжество истины над предрассудком. Во имя Святого Духа было положено даровать обращающимся язычникам свободу от обрядового закона с некоторыми необходимыми ограничениями, состоящими в том, "чтобы язычники воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе» (ср. Деян. 15, 20). Павлу и Варнаве вручен был ответ, долженствовавший успокоить Антиохийскую Церковь.

Но были еще и другие обстоятельства Павлового служения, которые доставляли ему беспокойство. Необыкновенные успехи, которыми Провидение благословляло его проповеднические труды, дар чудес, сообщенный ему в избытке, служили для него порукою, что он верно исполняет высокое звание Апостола, «не повреждая слова Божия, как многие, но проповедуя искренно» (ср. 2Кор. 2, 17). Но Павел всегда помнил, что он, как и другие Апостолы, носит "сокровище благодати в глиняных сосудах» (2Кор. 4, 7), что дар апостольства, подобно другим духовным дарам, требует от обладающего им строгого надзора за своими поступками, непрестанной проверки должного его употребления, а потому желал испытать чистоту своего учения, проповедуемого им язычникам, заручившись мнением о том прочих Апостолов, чтобы, как он сам говорит, убедиться, не напрасно ли он подвизался и подвизается в деле проповеди (Гал. 2, 2). Враги Павловы, то есть враги Креста Христова, как увидим, всюду будут разглашать, что он учит не тому, о чем проповедуют другие многие. Чтобы заградить им уста, надо было заполучить одобрительное свидетельство о своем учении от прочих Апостолов. И Павел, который почитал законом стараться о добром «не только пред Господом, но и пред людьми» (2Кор. 8, 21) «и представлять себя на суде совести всякого человека» (ср. 2Кор. 4, 2), наедине предложил Петру, Иакову и Иоанну благовестование, проповедуемое им язычникам. Они не нашли в нем ни излишества, ни недостатка и единодушно признали в Павле великое достоинство его как учителя языков, прося об одном: чтобы он располагал обращающихся язычников к оказанию помощи палестинским христианам, которые претерпевали крайнюю бедность, что Павел, говоря его словами, «и старался... исполнять в точности» (Гал. 2, 10).

По возвращении из Иерусалима Павел продолжал трудиться над

устроением Антиохийской Церкви, утверждая в вере и благочестии ее первохристиан (Деян. 15, 35). К этому времени относится и обличение им Петра, о котором упоминается во второй главе Послания к Галатам. Петр, по прибытии своем в Антиохию, сначала, подобно Павлу, свободно общался с уверовавшими язычниками и разделял с ними их трапезу, но когда пришли от Иакова некоторые из иерусалимских иудеев, то он, не желая обнаружить пред ними свободы христианской, начал устраниваться от трапезы с обращенными язычниками. Пример его так сильно подействовал на других, что этим «лицемерством» (так назван Павлом поступок Петра) был увлечен даже Варнава, ревностный дотоле защитник свободы христианской. Предостерегая от соблазна некоторых иудеев, Петр тем самым уже соблазнял всех язычников, тогда как последние имели большее право на то, чтобы не быть соблазняемыми, ибо они водились истиною, а иудеи предрассудком. Павел видел эту опасность уклонения от Евангельской истины и пред лицом всех сказал Петру: «Если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески²⁴, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски» (Гал. 2, 14). Павел не упоминает, какое действие произвело в Петре его обличение. Без сомнения, последний увидел и исправил свою ошибку.

Второе апостольское путешествие Павла

К тому времени Антиохийская Церковь уже была богата наставниками и притом вполне довольно утверждена на краеугольном камне – Иисусе Христе. Труды Павла перестали быть для нее необходимыми. Между тем сердце его стремилось видеть чад своих по вере и породить новых от нетленного семени слова Божия. Руководствуясь этими чувствами, он предложил Варнаве предпринять второе апостольское путешествие. Этот верный соучастник намерений и трудов Павловых со всем усердием готовился сопутствовать ему, но выбор себе сотрудников заставил их разлучиться. Варнаве хотелось иметь спутником Иоанна, называемого Марком, своего сродника. Павел почитал недостойным такой чести человека, который в предшествующем путешествии оставил их без всякой достаточной на то причины. Следовало опасаться, что он, утраченный опасностями и трудами, снова оставит их, что послужило бы соблазном для новоначальных христиан. Поэтому Павел хотел взять в сотрудники Силу, пришедшего с ним из Иерусалима, в способностях и ревности которого он имел уже возможность увериться из его проповедания слова Божия к антиохийцам. Варнава не соглашался. Павел еще менее способен был истины ради уступить ему в этом, отчего и произошло «огорчение»²⁵.

Апостол, взяв с собою Силу, отправился в путь без Варнавы, который вместе с Марком поплыл на Кипр (Деян. 15, 35–41). Разногласие это не погасило в душе Апостола христианской любви к Варнаве и самому Марку. В посланиях, написанных Павлом после этого, он всегда с похвалою упоминает о первом (Гал. 2, 9; 1Кор. 9, 6), не забывает и последнего, свидетельствуя, что Марк в "сотрудничестве для Царствия Божия был ему отрадою" (ср. Кол. 4, 11). Таково свойство чистой ревности по истине! Она всегда предпочитает дело Божие связям и расчетам человеческим; смело говорит истину вопреки тому, кого любит; готова, если не может разуверить, удалиться от него, но никогда не изменяет главному закону любви; с радостью слышит об успехах того, от кого удалилась; находит в нем похвальным все то, что действительно заслуживает похвалы, и вновь охотно соединяется с ним, коль скоро исчезает причина разделения. Такая миролюбивая ревность есть плод зрелой мудрости и бескорыстного служения Иисусу Христу.

Пройдя Сирию и Киликию и уверившись в твердости тамошних христиан, Павел достиг Дервии и Листры. В последнем городе он нашел

себе юного, но неутомимого сотрудника, который впоследствии сделался достойным того, чтобы о нем сказано было Филиппийцам: «Я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас» (Флп. 2, 20). То был Тимофей, иудей по матери, по отцу язычник. Еще до пришествия Апостола он уже знал Христа и своим поведением (вероятно, и проповедью) снискал себе всеобщее одобрение не только в Листре, но и в Икони. Павел, который сам обладал даром проникать в души и сердца, тотчас заметил редкие способности юного Тимофея и сделал его своим спутником. Поскольку же надлежало опасаться, что Тимофей, как необрезанный²⁶, будет соблазном для христиан из иудеев, которым известно было его происхождение от язычника, то Апостол совершил над ним обряд обрезания. Павел, еще будучи в Иерусалиме, не согласился тогда обрезать Тита (Гал. 2, 3), потому что тот и по отцу, и по матери был язычник, а потому обрезание его было бы соблазнительным для других нарушением христианской свободы. Тимофей же, происходя от матери иудеянки, мог быть обрезан без нарушения этой свободы, потому что в то время почти все верили, что обрезание нужно для иудея и в христианстве. Учитель язычников и здесь, как и в других случаях, смотрел на обрезание как на вещь безразличную и поступил сообразно своему мнению об употреблении таковых вещей – употреблять их так, чтобы от них получать как можно более пользы. «Павел, – говорит святитель Иоанн Златоуст в толковании на Деяния апостольские, – обрезал Тимофея, чтобы упразднить обрезание, ибо обрезанный будет проповедовать учение Апостола о том, что не нужно обрезание». Таковой поступок, по замечанию того же Отца Церкви, обнаруживает, что Павел был совершенно свободен от предрассудков, что он, при всей ревности по свободе христианской, не относился, однако же, с предубеждением к обрезанию, знал его цену и умел извлекать из него пользу.

В сопровождении Тимофея, Павел посещал прежние города, извещая учеников об определении Иерусалимской Церкви касательно свободы обращающихся в христианство язычников от обрядового закона. Извещение это было тем нужнее, что из Палестины же готовились выйти безрассудные ревнители сени законной, чтобы воспрепятствовать трудам и успехам Апостола. Павел скоро, не задерживаясь надолго, проходил те места, в которых ранее проповедовал Евангелие, конечно, потому, что посеянные им семена жизни сами собою давали вожделенные плоды. Впрочем, и краткое посещение селений прежним учителем сопровождалось ежедневно видимым "увеличением числа верующих и утверждением в вере слабых» (ср. Деян. 16, 4–5). В это время была

основана Павлом Галатская Церковь, которая сначала принесла своему основателю весьма много духовной радости, а потом еще более сердечной печали. Несмотря на видимую бедность Павла и на гонения, которым он всюду подвергался, галаты приняли его со всем уважением, приличествующим посланнику Божию, и слушали его как Ангела Божия, как Самого Иисуса Христа. Любовь к его учению и преданность ему вскоре возросли в их сердцах до того, что они, «если бы возможно было, ... исторгли бы... свои... очи, дабы отдать ему» (ср. Гал. 4, 15). Столь благословенное сеяние, без сомнения, принесло бы богатейшую жатву, если бы плевелы иудейства, посеянные руками выходцев из Палестины, не прозябли бы на этой удобренной благодатью ниве, как увидим впоследствии (Гал. 2, 4–5).

Из Галатии Апостол хотел отправиться на проповедь слова Божия в Азию²⁷, но был удержан Духом Святым. Подобным образом провидение остановило его, когда он из Мисии намеревался перейти в Вифинию²⁸. Очевиднейшее доказательство того, как все великое дело распространения христианской религии зависело от невидимого управления Духа Божия! Один только этот Водитель, испытующий сердца и утробы, мог безошибочно видеть, где труды проповедников Евангелия не останутся без плода. Азия и Вифиния, конечно, еще не были способны к тому, чтобы для них воссиял свет славного благовествования о Христе.

Так вместо Вифинии Павел оказался в Троаде, городе, лежавшем недалеко от древней Трои, на восточном берегу Эгейского моря. Здесь в ночном видении предстал ему некий муж²⁹, моля его придти к ним в Македонию для подания духовной помощи, из чего Апостол заключил, что сам Промысл призывает его благовествовать там. Немедля проповедники отплыли в Самофракию, на другой день прибыли в Неаполь, один из приморских городов Македонии, и, не останавливаясь в нем, поспешили в Филиппы³⁰. Здешние иудеи имели за городом у реки молитвенный дом. Придя туда в субботний день, Апостол вступил в разговор с женщинами, собравшимися на молитву. Слова его падали на добрую почву; особенно тронута была ими одна богатая и набожная женщина из Фиатира, торговавшая багрянницей, по имени Лидия. Окрестившись со всеми своими домашними, она убедила проповедников избрать дом ее своим жилищем.

После этой утешительной встречи поджидала Апостола новая, и весьма неприятная. В городе том одна служанка была одержима духом прорицания, которая через предсказывание будущего, доставляла большой доход своим господам. Принуждаемая духом злобы или собственной совестью, эта несчастная сопровождала Павла всякий раз, когда он шел на

молитву, и громко кричала: «Эти люди рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения» (ср. Деян. 16, 17). Павел, который подобно великому своему Учителю, Иисусу Христу, не хотел, чтобы божественность Его учения получала свидетельство из таких уст, которые разверзались бы для пророчества по любостыжанию, именем Господа повелел нечистому духу выйти из нее. Прорицавшие уста служанки умолкли, вместе с этим господа ее поняли, что рушатся и их корыстолюбивые надежды на получение дохода. Нечистый дух, вышедший из первой, как бы перешел в последних. Они напали на Павла и его спутников и повлекли их на судилище. Если не совесть, то благоприличие не позволяло открыть им истинную причину своего негодования на добродетельных и миролюбивых странников, и корыстолюбие, по обыкновению, прикрылось личиной любви к отечеству и религии. Говорили: «Эти люди, ...иудеи, возмущают наш город, ...проповедуя богослужение, которого нам, римлянам, ...принимать и исполнять... не следует» (ср. Деян. 16, 20–21). Обвинение подействовало. Мятежный народ толпою бросился на оболганных проповедников Евангелия. Сами судьи, забыв свое достоинство, осыпали их ударами. Изъязвленные, они были ввержены в темницу, начальнику стражи которой было приказано усугубить за ними надзор. Для большей безопасности ноги узников были забиты в колоду.

«Но для слова Божия нет уз» (2Тим. 2, 9). В полночь, когда земные судьи совершенно не думали уже об узниках, Павел воззвал к Судии Небесному, но не для того, чтобы молить Его об отпущении, а чтобы в духе веры и святой преданности излить пред Ним чувства хвалы и благодарности. Оглушаемая ропотом и воплями отчаяния темница, может быть, в первый раз огласилась звуками чистой равноангельской молитвы – зрелище умиленное для всякого, кто не закоснел в грехе, способное пробудить совесть самого упорного грешника! Узники слушали Апостолов безмолвно, со вниманием. Слышал и Тот, пред Кем не утаится ни одна слеза невинная, ни один вздох правды. Случившееся землетрясение вдруг с такою силой поколебало основания темницы, что все двери ее растворились сами собой. Между прочим произошло то, чего обыкновенное землетрясение никогда произвести не может – с заключенных спали все узы. За умиленным явлением непоколебимой преданности Промыслу Божию последовало явление сердечного сокрушения и душевного прозрения.

Отверстые двери темницы не позволяли сомневаться в том, что узники воспользуются этим случаем для своего спасения. Тем более

надлежало опасаться за Павла и его спутников, отданных под особый надзор. Поэтому начальник темничной стражи извлек меч и хотел, умертвив себя, вслед за мнимыми беглецами бежать – из этого мира. Он не знал Бога Павлова, не знал, что на Апостолах были другие узы, которых не могло расторгнуть никакое потрясение не только земли, но и неба, что они были связаны Духом Святым (Деян. 20, 22). «Не делай себе никакого зла, – воскликнул Павел, – мы... ибо все... здесь» (Деян. 16:28). При этих словах губительное смятение души – отчаяние, уступило место новому смятению чувств в душе римлянина. Он с трепетом вошел в темницу и, не видя более уз на заключенных, убедился, что никто из них не помышлял о бегстве. Можно ли было не повергнуться с благоговением пред такой торжествующей непорочностью? Римлянин пал к ногам Павла и Силы и молил разрешить собственные его узы, узы душевного ослепления, в которых держало его идолослужение. Такова сила влияния добра на человеческое сердце! В то время, как свод римских законов и угроза казней не могли исправить преступные сердца, одно молитвенное излияние сердечных чувств, сделанное узником, так сильно подействовало на находившихся в темнице преступников, что они явили пример повиновения законам, достойный времен Регула! Но узник этот был – Павел! Проникнутый страхом Божиим, начальник темничных стражей не думал более о страхе человеческом. Проповедники взяты были к нему в дом, их раны омыты, а ему преподано крещение.

Когда таким образом с усердием проявлена была к Павлу и его сотрудникам сердечная признательность новых чад его по вере, сама злоба врагов должна была преклониться пред их кротостью и невинностью. Градоправители, пораженные ужасом необыкновенного землетрясения, которое представлялось им наказанием за оказанную несправедливость и опрометчивость, беспристрастнее рассмотрев дело и, наконец, узнав о случившемся в темнице, прислали к начальнику темничной стражи приказание отпустить Апостолов. Тот с удовольствием поспешил его исполнить, но напрасно. «Как, – возразил Павел, – нас, ...граждан римских, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? Нет! Пусть придут судьи и освободят нас" (ср. Деян. 16, 37). В самом деле, наказать римского гражданина розгами и притом без суда (как был наказан Павел) значило оскорбить величие Рима и кесаря³¹. Наказанный таким образом мог подвергнуть судей своих строжайшей ответственности³². Но не этого хотел Павел. Он желал только одного – воспрепятствовать соблазну, который мог произойти, если бы Апостолы тайно удалились из Филипп: враги его не преминули бы разгласить, что

проповедники Евангелия спаслись постыдным бегством, воспользовавшись землетрясением, разрушившим темницу. Поэтому, когда градоначальники явились³³ и, признав свою вину перед Павлом, смиренно молили его оставить город, он беспрекословно повиновался их желанию. Одно только могло еще удерживать проповедников в Филиппах – потребность утвердить в вере новообращенных, но чудо землетрясения, как справедливо замечает святитель Иоанн Златоуст, еще сильнее должно было располагать в пользу Евангелия филиппийцев по отшествии тех, для кого оно было произведено Промыслом, к тому же вместо проповедника с ними оставался обращенный начальник темничной стражи. Из того, что Апостолы не решились, вопреки просьбам градоначальников, остаться в городе, хотя имели на то полное право, видно, как тщательно избегали они всех случаев послужить поводом к народным беспокойствам.

Через Амфиполь и Аполлонию Павел пришел в Фессалонику, главный город второй области в Македонии. По обыкновению, проповедь его первоначально обращена была к своим единоплеменникам. В продолжение трех суббот (дни обыкновенных собраний в синагогах) он говорил с ними из Писаний, доказывая по пророческим книгам, что Мессии надлежало пострадать и воскреснуть и что проповедуемый им Иисус есть истинный Мессия. Множество иудеев, прозелитов и в том числе знатных женщин сделались его учениками. Павел обращался с ними, как мать обходится с младенцем (1Фес. 2, 7), не скрывая, впрочем, от них и тех бедствий, каким они могут подвергнуться за искреннее исповедание Христа (1Фес. 3, 4). В предостережение и утешение братии, он раскрыл пред ними учение о последних временах и последнем противнике христианства – антихристе, которое, как мы увидим, послужило для некоторых из них, по причине суемудрия людей, поводом к недоразумениям (2Фес. 2, 2–12). Несмотря на то, что проповедь не оставляла Апостолу времени на другие дела, он не хотел получать пропитания от учеников своих и содержал себя собственными трудами, работая по ночам (1Фес. 2, 9), а частью милостыней, которую присылали ему филиппийцы (Флп. 4, 16). Фессалоникийцы чувствовали его апостольское бескорыстие и "принимали слово его не /как/ ... человеческое, но /как/ слово Божие» (ср. 1Фес. 2, 13).

Не было недостатка и в упорных врагах истины. Подговорив некоторых негодных людей, они вызвали в народе возмущение. Неистовая толпа с криком устремилась к дому Иасона, в котором остановился Павел со своими спутниками, и, не найдя их, повлекла Иасона на судилище. «Эти всесветные возмутители, – кричали они, – пришли и сюда, а Иасон

принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая... царем не его, а другого – Иисуса» (ср. Деян. 17, 6–7). Нельзя было клевете избрать обвинения более удачного. От него пострадал Божественный Основатель христианства, от него, преимущественно, как явствует из истории гонений на христиан, страдали и распространители вероучения. Градоначальники приведены были в великое смущение: надлежало ожидать самых печальных последствий. Но Иасон успокоил их, убедив, что нет ни малейшего повода к возмущению, и, может быть, дав обещание, что принятых им странников скоро не будет в городе.

В следующую ночь Павел и Сила, действительно, препровождены были в Верию – город, относящийся к третьей Македонской области. Здешние жители, как замечает святой Лука, были гораздо благомысленнее фессалоникийцев. Выслушав проповедь о Мессии, они поступили так, как надлежало поступить всякому здравомыслящему иудею: сличили услышанное с тем, что находится в книгах Ветхого Завета – черты возвещаемого Мессии – с чертами Обетованного. Следствием столь благоразумного испытания новой веры, по необходимости, было ее усердное принятие. Но фессалоникийские враги Павловы не дали продолжиться его духовному торжеству над сердцами благомыслящих вериан. Придя в Верию, они возмутили народ, и подвижники Евангелия снова должны были исполнить совет Спасителя: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф. 10, 23). Оставив Тимофея и Силу с повелением скорее последовать за ним, Павел удалился в Афины (Деян. 17, 1–15).

Появление его в Афинах – одно из занимательнейших зрелищ, представляемых Новым Заветом и, в особенности, историей Деяний апостольских. Здесь великому учителю языков представился случай явить все величие своего духа, всю мудрость, приличествующую посланнику Божию. Доселе он имел дело или с суеверными почитателями обрезания и субботы, или с язычниками, слепо кланяющимися бездушным истуканам. Ныне надлежало возвестить слово крестное и мудрым века сего, водрузить крест и там, где доселе видны были только портики философов. Афины были наводнены философами и – идолами! Мудрость греков еще имела здесь свою столицу, но дух Сократа, который почитал философию устроительницей благоденствия человеческого, давно исчез. Последователи выпрненного Платона были жалкими мечтателями, ученики привлекательно мудрого Эпикура – низкими плотоугодниками; воспитанники суровой Стои – лицемерными самохвалами. Религия была для здешних философов частью гражданского законоположения, которое,

несмотря на все свои нелепости, должно было оставаться неприкосновенным из уважения к народным предрассудкам. Они смеялись над богами внутри своих кабинетов, но с благоговением падали ниц перед ними на торжищах. Образованнейшая часть народа разделяла с философами внутреннее равнодушие к религии, менее просвещенная – погружена была в самое грубое суеверие. Впрочем, дух набожности, может быть, как следствие прежней здоровой философии, продолжал быть характерным для афинян: их город был наполнен храмами и жертвенниками, и некоторые были посвящены "неведомым богам» (Деян.17:23)³⁴.

Среди этого-то народа, который из прежней мудрости своей сохранил только одно ее свойство – любознательность, и то в превратном виде, Павел должен был возвестить имя распятого Богочеловека. Он хотел отложить начало своей проповеди до прибытия Тимофея и Силы, чтобы в соединении с ними еще слышнее был голос истины. Но сердце его раздиралось от жалости при виде множества истуканов, которыми просвещенные афиняне гордились как некоей драгоценностью. И Павел начал проповедовать один, сначала в синагоге – иудеям, потом на площади – всем жителям без разбора. В числе его слушателей были стоики и эпикурейцы, которые остались недовольны услышанным, ибо он проповедовал об Иисусе Христе и Его Воскресении. Ни те ни другие не верили Павлу³⁵. Одни видели в нем пустослова, который хочет убедить людей в том, чему нельзя верить, другие почитали его за провозвестника новых, неслыханных богов. Однако же проповедь Павла никого не оставила равнодушным. Желая знать больше о новом учении, его привели в Ареопаг и попросили повторить услышанное³⁶. Это стало поводом к произнесению им той речи, которая в полной мере показала, что Божественный Основатель христианства всегда верно исполнял обещание Свое подавать благовестителям Его учения, в случае нужды, «уста и премудрость». Для проповеди слова Божия Павел избрал такой тон, какой должен принимать каждый защитник христианства, имеющий дело со строптивой философией. Он оставил на время все, что связано с историей христианской веры, начав с истин здравого смысла, почерпнутых из рассмотрения природы, человеческого общества и совести – тех высоких истин, которые составляют внутреннее основание христианства. Как, благовествуя иудеям, он находил опору для проповедуемого христианства в самой иудейской религии, так и здесь он открыл на мертвом древе язычества место, куда можно было привить живоносные ростки новой религии.

"Афиняне! – воскликнул он, – по всему вижу я, что вы очень набожны, ибо... я, обходя и обозревая ваши святыни, ...нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Этого-то Бога, Которого вы, не зная, почитаете, я проповедую вам» (ср. Деян. 17, 22–23). Слова эти должны были привлечь к себе величайшее внимание афинян. Многозначительная надпись: «неведомому Богу», вероятно, уже давно заставляла хотя бы некоторых из них погружаться в размышления. Даже если они и не были до сих пор внимательны к ней, то напоминание, сделанное Павлом, должно было непременно пробудить в душе их мысли, которые могли только заключаться в словах: «Божество неведомое!» Павел вызвался быть Его провозвестником. Можно ли было не обратить внимание на его слова? Впрочем, афиняне могли ожидать от него не более, как повести о каком-нибудь иноземном, для них неслыханном, но обыкновенном, подобном их истуканам, божестве. Следовало изобразить в кратких чертах величие того Бога, Которого он проповедовал, чтобы, приведя их к забвению идолов, возвести их ум и сердце на высоту истинного Боговедения.

"Бог, – вещал Богодухновенный вития, – сотворивший мир и все, что в нем, ...будучи Господом неба и земли, не... живет в рукотворенных... храмах и не требует служения рук человеческих по какой-либо нужде, но Сам дает всему жизнь и дыхание и все» (ср. Деян. 17, 24–25).

Пред этой беспредельной идеей о Всемогущем Творце всяческих сами собой исчезали все неправильные понятия о божествах, заключаемых в капища, и истуканах.

"Произведя, – продолжал Павел, – от одной крови всех человек, Он расселил народы по всему лицу земли, назначив жительству каждого из них предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли... и не найдут ли... Его, хотя Он и недалек от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся, и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили «мы Его и род''' (ср. Деян. 17, 26–28).

Из этих рассуждений о намерении Творца по устройению мира и человеческого общества, как средств к распространению познания о Нем между разумными тварями, Апостол заключал об истинном почитании, которое приличествует всесовершенному Существо. «Итак мы, будучи родом Божиим, – говорил он, – не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого» (Деян. 17, 29).

Озарив, таким образом, светом естественной религии безобразие идолов и бесславие их почитателей, Павел начинает приподнимать завесу,

скрывающую величественное здание Богооткровенной религии, им возвещаемой.

"Бог, попустив быть временам неведения, ныне... всем человекам проповедует покаяние, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную посредством предопределенного Им Мужа, о чем дал Он доказательство всем, воскресив Его из мертвых» (ср. Деян. 17, 30–31).

Услышав о воскресении мертвых, многие из мнимых мудрецов не хотели более слушать. Так самая утешительная истина здравого смысла была нестерпима для гордых безумцев, которые, не обращая внимание на то, чтобы иметь Бога в разуме, «осустились... умствованиями своими, и преданы были похотям сердец их" (ср. Рим. 1, 21). Павел умолк. Впрочем, не все слова его пали на камень и в терны; некоторые из слушавших сокрыли их в сердце своем и уверовали во Иисуса Христа, в том числе и знаменитый Дионисий Ареопагит (Деян. 17, 34).

Забываясь об умножении новых членов Церкви Христовой, Павел не оставлял попечения и о прежних чадах своих. Испытав тяжкое гонение от фессалоникийских иудеев, он не без основания думал, что юная Церковь Фессалоникийская находится под тяжким крестом. Поэтому Павел дважды собирался возвратиться в Фессалоники (1Фес. 2, 18), но, удерживаемый непредвиденными препятствиями, отправил туда Тимофея, служителя Божия, для укрепления в вере тамошних христиан (1Фес. 3, 1–2).

Павел, между тем, недолго оставался в Афинах. Склонность к новостям, в силу чего его слушали пытливые афиняне, должна была скоро наскучить им неизменяемыми истинами, которые возвещал проповедник Креста Христова, и он удалился в Коринф.

Здесь один иудеянин, по имени Акила, незадолго пред тем пришедший из Рима (вследствие Клавдиева указа об изгнании иудеев из столицы империи), принял его в свой дом. Поскольку Акила занимался тем же ремеслом, в котором искусен был и Павел, то последний разделял с ним его труды. Однако и главный долг, лежавший на нем, не оставался без исполнения. Каждую субботу синагога оглашалась именем Иисуса Христа. Безуспешность проповеди была некоторым образом вознаграждена утешительным известием, которое принесли с собою Тимофей и Сила, возвратившись из Фессалоники.

Тамошние христиане при всех гонениях со стороны иудеев и язычников оставались верными, но "колебались умом", одолевались различными сомнениями касательно пришествия Иисуса Христа и весьма много скорбели об участи умерших. Мог ли Павел оставить без ободрения и утешения возлюбленных и верных чад своих? Он написал к ним

Послание (первое по времени из Павловых посланий), исполненное отеческой любви и заботливости. Возблагодарив их за твердость в вере, он увещевал их не скорбеть об умерших подобно не имеющим упования, напоминая, что наступит непременно тот великий день, когда все мертвые восстанут из гробов для наслаждения Жизнью Вечной. Касательно же времени пришествия Христова Апостол обращал внимание вопрошающих его на одно обстоятельство, столь благотворное по своему влиянию на нравственность, – его внезапность, умолял вести себя во всем неукоризненно, как то надлежит святым, быть миролюбивыми и удаляться лени.

Некоторые недоразумения, происшедшие затем в Фессалоникийцев, побудили Апостола отправить другое письмо к ним. Последние, частично не уразумев смысла апостольского учения о будущем пришествии Иисуса Христа, частично смущаемые некоторыми подложными письмами, написанными якобы Павлом (2Фес. 2, 2), утвердились в мысли, что Иисус Христос должен придти вскоре. Некоторые из них, вероятно, вследствие сего оставили работу и занимались единственно праздными суждениями. Апостол во Втором своем послании к Фессалоникийцам, опровергнув сомнения касательно пришествия Христа и показав, что явлению Спасителя должно предшествовать еще явление антихриста и отступление от веры, снова заповедует им, подражая его, Павлову, примеру, удаляться праздности, не вдаваться в бесполезные мечты и вести жизнь трудолюбивую. Чтобы предостеречь их от подложных посланий, он указал им на признак, говорящий о подлинности его писем, который состоял в том, что Апостол имел обыкновение приписывать в конце Послания собственной рукой следующее приветствие: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами» (2Фес. 3, 18).

Поскольку коринфские иудеи продолжали противиться и злословить, то Павел, сказав им: «Кровь ваша на главах ваших; я чист от нее, и отныне пойду к язычникам» (ср. Деян. 18, 6), перешел от Акилы в дом некоего язычника Иуста. Близость его нового жилища к синагоге (ибо дом Иустов был подле нее) показывала, что он в этом случае поступил сообразно своему мудрому правилу – мнимым пристрастием к язычникам возбуждать ревность в сродниках своих по плоти для их спасения. Такая заботливость его о своих единоплеменниках принесла долгожданные плоды: вскоре крестился сам начальник синагоги Крисп со всем своим домом. Из язычников также обратилось немалое число, но еще гораздо большее готовилось совершить это, о чем Павел был извещен откровением.

Кажется, что угрожающая ему опасность вызвала было в нем намерение оставить Коринф. Поэтому Господь, явившись Апостолу, сказал: «Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе» (Деян. 18, 9–10). Вследствие этого он проповедовал коринфянам еще в течение восемнадцати месяцев. Сими продолжительными трудами так была утверждена и благоустроена Коринфская Церковь, что Павел впоследствии называл ее печатью своего апостольства (1Кор. 9, 2). Не менее деятельной была и злоба врагов Павловых. Улучив удобное время, они напали на него и привели к проконсулу. Обвинение было уже обычное для Павла. «Этот человек, – говорили они, – распространяет в народе почитание, несогласное с законом» (ср. Деян. 18, 13). Обвиняемый хотел было говорить в свое оправдание, но проконсул, заметив, что дело идет об учении, именах и законе иудейском – предметах, совершенно чуждых римской политике, прогнал обвинителей от судилища.

Пробыв еще немалое время в Коринфе, Павел в сопровождении Акилы и Прискиллы отплыл из Кенхреи (Коринфской пристани на берегу Эгейского моря, что к востоку) в Сирию и остановился в Ефесе. Тамошние иудеи, услышав его проповедь, просили Павла побыть у них долее, но он, дав обещание возвратиться к ним, поспешил в Иерусалим, чтобы провести там наступающий праздник (неизвестно, какой). Новые спутники его, Акила и Прискилла, остались в Ефесе. В Иерусалиме, по-видимому, Павел был весьма недолго и возвратился в Антиохию, которая, став местом его посвящения на проповедь, была, некоторым образом, и местом его отдохновения. О деяниях его в Иерусалиме евангелист Лука ничего не говорит. Вероятно, впрочем, что он доставил туда милостыню, собранную в основанных им Церквях. Так закончилось второе апостольское путешествие Павла.

Третье апостольское путешествие Павла

Спустя немного времени Павел предпринял из Антиохии свое третье апостольское путешествие (Деян. 18, 23). Пройдя Фригию и посетив Галатийскую Церковь, он, по данному ранее обещанию, прибыл в Ефес. Здесь нашел он некоторых учеников, но не встретил у них того, без чего в первенствующей Церкви нельзя было называться верующим – видимых даров Святого Духа. На вопрос: «Сообщен ли им Святой Дух после крещения? те отвечали: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой» (ср. Деян. 19, 2). При дальнейшем розыске оказалось, что они крещены были только Иоанновым крещением³⁷. Апостол немедленно разъяснил им недостаточность этого крещения, показал, что Иоанн крестил в покаяние, призывая веровать в грядущего Мессию, а Тот давно уже пришел, это и есть Господь наш Иисус. Поэтому ученики Иоанна снова крестились во имя Иисуса Христа. Павел возложил на них руки, и они исполнились Святого Духа, стали говорить иными языками и пророчествовать.

После того учитель язычников занялся, по обыкновению, проповедью в синагоге. Иудеи спокойно слушали его в продолжение трех месяцев, но потом, ожесточившись, вступили с ним в неблагонамеренные споры, не устыдились даже злословить его и изъясняемое им учение. Проповедник спокойно, со смирением мог переносить подобные оскорбления, но клевета приводила в соблазн новообращенных язычников, которые, вследствие прежнего своего отношения к иудейским учителям, еще продолжали смотреть на них, как на образец. Павел увидел грозящую опасность и, отделив послушных учеников от упорных противников истины, оставил синагогу и избрал местом своей проповеди училище одного язычника, некоего Тиранна³⁸ – или уже христианина, или расположенного к христианству. Здесь, будучи свободным от бесполезных прений с иудеями, он провел два года, непрерывно благовествуя. Столь долговременное сеяние, совершаемое руками Павла, который «непрестанно со слезами учил каждого» (Деян. 20, 31), должно было произрастить богатую жатву. Так и было. Поскольку в Ефес непрестанно стекалось множество народа, частью для торговли, частью для поклонения образу Артемиды, то вся Азия, как иудеи, так и эллины, услышала его проповедь об Иисусе Христе.

Сила истины учения, возвещаемого Апостолом, подкреплялась силою чудес, которые в таком избытке совершались руками Павла, что, наконец, самые платки и полотенца, бывшие на теле его, начали употреблять для

уврачевания болезней и прогнания нечистых духов. Это послужило поводом к самому странному происшествию, в котором, с одной стороны, обнаружилась вся гнусность корыстолюбия, с другой – достоинство и святость Павловых чудес.

В Ефесе жили семь сыновей какого-то иудейского первосвященника Скевы³⁹, которые, выдавая себя за повелителей нечистых духов, обманывали легковерный народ⁴⁰. Наслышавшись, как Павел именем Иисуса Христа совершал чудеса, они стали употреблять это имя при заклинаниях над бесноватыми, говоря: «Заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует» (Деян. 19, 13). Показной успех такого бесстыдства естественно был бы во вред христианству. Промысл употребил в этом случае такого обличителя, какого только и стоили обличаемые – злого духа. "Иисуса, – отвечал он на заклинания, – знаю, и Павел мне известен, а вы кто» (Деян. 19:15)? Вслед за этой укоризной последовали жестокие удары, которые наносил им бесноватый, и низкие корыстолюбцы вынуждены были спасать свою жизнь бегством. Случай этот, вскоре сделавшись известным во всем Ефесе, укрепил уважение к христианской религии. Все увидели, что дар чудотворения, украшавший ее проповедников, не есть какая-либо естественная неведомая сила, которая может быть подчинена человеческому произволу и обращена в предмет купли, но живая сила Божия, которая оказывает свое действие только там, где угодно Промыслу. Особенно обстоятельство это подействовало на некоторых людей, занимавшихся тайными знаниями и волшебством⁴¹: они снесли в одно место все свои книги, служившие источником гибели для многих, и, несмотря на их высокую стоимость, предали огню.

Устроив таким образом Ефесскую Церковь, Павел стал помышлять о новых путешествиях, гораздо более обширных по сравнению с прежними, а именно: он намеревался идти в Коринф, потом в Иерусалим (2Кор. 1, 15–16), из Иерусалима думал предпринять путешествие в Рим, а оттуда пройти в Испанию (Деян. 19, 21; Рим. 15, 24–28). С этой целью он "послал предварительно в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста» (Деян. 19, 22), повидимому, для того, чтобы они собрали приношения различных Церквей, которые он должен был доставить бедным иерусалимским христианам.

В это время пришел к Павлу из Коринфа Аполлос (1Кор. 16, 12), трудившийся, подобно ему, над обращением язычников. С ним пришли и некоторые из братьев, через которых коринфяне писали Апостолу, прося совета касательно супружеского и безбрачного состояния (1Кор. 7). От них узнал Павел о многих беспорядках, вкравшихся в Коринфскую Церковь,

что было поводом к написанию Первого послания к Коринфянам. Обличив в нем заблуждения коринфян, Павел обещался сам после праздника Пятидесятницы прийти в Коринф (1Кор. 16, 5–8). Послание было отправлено со Стефаном, Фортунатом и Ахаиком, ибо Аполлос, с которым Павлу хотелось передать его тамошним христианам, не решался так скоро возвратиться в Коринф из опасения, чтобы его присутствие снова не послужило бы для коринфян поводом к разногласиям относительно важности для себя того или иного учителя, от которого каждый из них получил крещение (1Кор. 1, 11–12).

В этом Послании апостол Павел упоминает об одном обстоятельстве своего пребывания в Ефесе, опущенном святым Лукою, которое весьма замечательно и по своему свойству, и по тем разногласиям, в кои толкователи Священного Писания впали при его изъяснении, а именно о том, как он «боролся со зверями в Ефесе» (1Кор. 15, 32). Спрашивается: в самом ли деле Апостол в Ефесе был осужден, по принятому в те времена обычаю, на сражение со зверями? Никифор, писатель XIV века, так подробно описывает это сражение⁴², как будто он сам был его очевидцем. Впрочем, его повествования и взгляд на исторические события давно уже потеряли доверие у тех, кто в истории ищет строгой достоверности. Все, что можно привести в оправдание Никифорова сказания о действительном сражении апостола Павла со зверями в Ефесе, состоит в том, что жизнь его в этом городе, как явствует из Послания к Коринфянам, на самом деле подвергалась крайней опасности (2Кор. 1, 9). Но под этой опасностью, сообразно обстоятельствам пребывания его в Ефесе, всего приличнее разуметь ту, которой подвергался он во время возмущения, произведенного в народе Димитрием серебряником, что и увидим мы впоследствии. Если бы Павел сражался в Ефесе со зверями, то святой Лука не преминул бы хоть кратко упомянуть об этом в Деяниях, да и сам Павел не пропустил бы этого обстоятельства при исчислении коринфянам всех видов бедствий, которым он подвергался за имя Христово (2Кор. 11, 24–32). При этом древние Отцы Церкви, как то: святитель Иоанн Златоуст и блаженный Иероним Стридонский, которым история Павлова, без сомнения, была известнее, нежели Никифору, принимают Павлово выражение «сражался со зверями» за метафору. В самом деле, это метафора. Греки, на языке которых писал Павел, так же, как и мы, сравнивали свирепых людей со зверями. Священномученик Игнатий Богоносец в своем Послании к Смирнянам употребляет то же самое выражение, какое было употреблено и Павлом, понимая под ним свое обхождение с жестокими своими приставниками. Сам Павел употребляет

подобное выражение в Послании к Тимофею, когда говорит о себе, что он был избавлен из львиных челюстей, то есть от гнева римского императора (2Тим. 4, 17).

В это же время, то есть в конце трехлетнего пребывания Павлова в Ефесе, весьма вероятно, были написаны им послания к Титу и Галатам. Во-первых, это видно из того, что Апостол повелевает Титу скорее прийти к нему в Никополь (Тит. 3, 12), и Тит действительно является его спутником вскоре по выходе Павла из Ефеса (2Кор. 7, 6–7, 13), а также и из того, что заповедует Титу позаботиться об Аполлосе (Тит. 3, 13), который, как мы заметили, отказавшись возвратиться в Коринф, отправился на Крит. Во-вторых, это открывается из жалобы Павла на галатов за то, что они так скоро изменились в вере (Гал. 1, 6), ибо Апостол, как мы видели, посещал уже ранее Галатийскую Церковь по пути своего следования в Ефес. Сущность Послания к Титу состоит в преподании ему правил пастырского благочиния, а к Галатам – в защите своего апостольского достоинства от клеветы иудействующих лжеучителей, которые старались унижить его перед галатами, и в защите христианской свободы от ига закона, которое первые хотели возложить на последних.

Когда таким образом Павел сражался везде за истину, по его выражению, «с оружием правды в правой и левой руке» (2Кор. 6, 7), сатана, которого он поразил в самое сердце основанием Церквей в знаменитых городах Азии, готовился напустить на него новую бурю. Ефес, как замечено уже было, славился храмом Артемиды, который, по своему величию и несметным сокровищам, считался в числе семи чудес света. Корыстолюбие художников, ободряемое слепым суеверием Артемидиных почитателей, надоумило их изготавливать искусственные подобию ее храма, которые покупались язычниками как некие святыни. Этой работой особенно славился и обогащался некий серебряник Димитрий. В его-то сердце и вошел сатана для исполнения своих злоумышлений на Павла. Собрав подобных себе ремесленников, Димитрий описал им всю опасность, которую угрожает их прибыткам распространение христианства. "Друзья,– говорил он им, – вам известно, что от этого ремесла зависит все благосостояние наше; между тем, вы видите и слышите, что... этот Павел не только в Ефесе, но и почти во всей Азии переуверил немалое число людей в том, что... боги,.. делаемые руками человеческими, не суть боги. Что выйдет из этого? То, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и ниспровергнется величие той, которую... вся Азия и вселенная... почитает» (ср. Деян. 19, 25–27).

Выслушав это, толпа корыстолюбивых лицемеров, исполнившись фанатического восторга, начала кричать: «Велика Артемида Ефесская!». Возмущение тотчас распространилось по всему городу. Двое из спутников Павловых, македоняне Гаий и Аристарх, были схвачены. Наступила минута решительная и вместе с тем опасная. Явиться пред разъяренной толпой возмутителей значило бы принести самого себя добровольно в жертву их люто́сти, искать же спасения в бегстве значило бы изменить истине, изменить своим спутникам, которые находились в величайшей опасности. Павел избрал первое, но верующие удержали его. Даже асиархи⁴³ старались отвлечь его от этой опасности. Между тем одни из возмутителей кричали одно, другие другое, большая же часть собрания не знала, в чем обстоит дело. Поскольку Павла все почитали иудеем, то обвинение якобы в ниспровержении богов пало на иудеев (единственный случай, когда иудеи подверглись опасности за христиан, которые, по свидетельству истории, неоднократно терпели гонение за иудеев). Последние избрали некоего Александра, который должен был защитить их перед народом, сложив всю вину на Павла. Но Промысл разрушил их намерение. Узнав, что Александр иудей, язычники прогнали его со зрелища, и снова в продолжение двух часов кричали: «Велика Артемида Ефесская!»

Соблюсти порядок, уняв столь бурное волнение народа и освободив проповедников христианства от опасности, выпало одному книжнику, вероятно, благоприятствовавшему христианам. «Граждане Ефесские! – сказал сей искусный вития. – Какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды? ...Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными, и не поступать опрометчиво. А вы привели этих мужей, не замеченных ни в святотатстве, ни в хулении богини вашей. Итак, если... Димитрий и его товарищи имеют жалобу на кого-нибудь, на то есть судебные собрания,.. есть проконсулы.. Мы находимся в опасности за происшедшее сегодня быть обвиненными в возмущении, так как нет законной причины, которою мы могли бы оправдать такое стечение народа» (ср. Деян. 19, 35–40). Успокоенное этими словами, собрание рассеялось.

Из слов книжника видно, что проповедники Евангелия, открывая язычникам ничтожность их истуканов, не хулили, однако же, их богов. В самом деле, пока ефесеяне были уверены в божественности Артемиды, они без нарушения закона совести не могли спокойно слушать хулы на нее. Насмешки вообще ведут не к убеждению, а к досаде и ненависти. Когда признавалась истина Евангельского учения о Боге, то языческие божества

падали сами собой. Такое поведение Павла служит прекрасным примером того, как должно поступать относительно других мнений и взглядов на религию. Наставляй, выводи из заблуждения, обличай, но, доколе не переуверишь, не издевайся над тем, что другой почитает священным⁴⁴.

По усмирении мятежа, Павел решился оставить Ефес. Созвав всех верующих и преподав им наставление, он пошел в Македонию. По пути Апостол остановился в Троеде для благовествования о Христе. Здесь "отверзлась для него дверь веры, но не имея покоя духу своему» (ср. 2Кор. 2, 12–13), потому что не нашел там Тита, он поспешил в Македонию, где полагал встретиться с ним. В Македонии Павел действительно был утешен свиданием с этим ревностным сотрудником своего апостольства. Известия, принесенные Титом из Коринфа, еще более умножили радость Апостола (2Кор. 7, 6–7, 13–16). Он узнал, что коринфяне приняли Послание его со всем уважением и немедленно исправили замеченные у них беспорядки и что они готовы участвовать вместе с другими в милостыне, собираемой для Иерусалимской Церкви. Узнал и о том, что неисполнение одного обещания прийти к ним некоторыми злонамеренными людьми выставляется как признак его непостоянства и что эти же люди стараются вообще унижить его апостольское достоинство перед коринфянами. "Уста" его при этом, как он сам говорит, "отверзлись к... Коринфянам, сердце... распространилось» (ср. 2Кор. 6, 11) от любви к ним и ревности по их спасению, и он написал Второе послание, исполненное усердия и отеческой заботы о пасомых. В нем Апостол приводит истинные причины, удержавшие его от путешествия в Коринф, благодарит за послушание, защищает свое апостольское достоинство и чистоту своего поведения, побуждает к деятельнейшему участию в сборе милостыни для иерусалимских христиан.

Из Македонии Павел перешел в Грецию (Элладу) и провел в ней три месяца, вероятно, большей частью находясь в Коринфе. Отсюда и в это время написано им достославное Послание к Римской Церкви. Павел давно желал видеть ее, утешаясь слухом о преуспевании христиан в вере (Рим. 1, 11–12), но обстоятельства до сих пор препятствовали ему исполнить это намерение. Между тем он слышал, что в Римской Церкви происходят нестроения среди обращенных в христианство: язычники презирают иудеев, а иудеи язычников. Отшествие диакониссы Церкви Кенхрейской Фивы в Рим представило ему случай написать тамошним христианам (Рим 16, 1). Поскольку разногласия иудеев с язычниками были почти общим недугом, от которого страдали тогдашние Церкви, то учитель языков в Послании к Римской Церкви, как знаменитейшей между

новоустроенными Церквами, пространно изложил свое учение по поводу взаимоотношений обрезанных и необрезанных христиан, а это привело его к разъяснению догматов о духовном бессилии и «безответности» перед Богом всего рода человеческого, о свойствах веры оправдывающей и о тех обязанностях, какие она налагает на христиан. Поэтому-то Послание к Римлянам всегда почиталось важнейшим из посланий Павловых и как бы сокращенным изложением его учения.

Собрав в Греции приношения всех Церквей, им основанных, Павел избрал было самый кратчайший путь в Иерусалим через Сирию. Но известие о злоумышлении иудеев (может быть, хотевших воспользоваться милостью, которую он нес с собой) заставило его предпочесть другой путь, через Македонию (Деян. 20, 3). Посетив Филиппийскую Церковь, он достиг Троады, где провел семь дней. В последний день своего пребывания, когда христиане собрались, по обыкновению, для общественной молитвы, Павел предложил им поучение, длившееся до полуночи. Столь благочестивое собрание, где, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «любовь проповедовала, любовь и слушала», возмущено было внезапно одним неприятным случаем. Некий юноша, именем Евтихий, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись, сонный (так опасно быть невнимательным к слову Божию!) упал с третьего этажа, и был поднят уже мертвым. Но Павел, найдя в нем признаки жизни, успокоил братьев и продолжил проповедь, за которой следовала вечеря любви, потом опять слово веры, так что вся ночь проведена была в беседе. К утру отрока привели живого.

С рассветом Павел оставил Троаду. Его спутники поплыли в Асс, а сам он направился туда пешком, вероятно, для того, чтобы по пути следования преподать наставление верующим. В Ассе он сел на корабль и через несколько дней прибыл в Милет. Ефесская Церковь осталась в стороне, ибо он спешил в Иерусалим. Она не знала еще, что никогда больше не увидит его, но Павлу было открыто это, а потому из Милета он послал за ефесскими пресвитерами, чтобы изложить им свою последнюю волю. Прощальная речь его к этим пастырям есть излияние истинно отеческого сердца. Она невольно напоминает прощальную беседу Иисуса Христа со Своими учениками.

"Вы знаете, – говорил он, – как я жил с вами все время,.. с первого дня, в который пришел в Азию,.. работая Господу со всем смирением, со многими слезами, среди искушений, случавшихся со мною по злоумышлению иудеев, и что я не пропустил ничего полезного, о чем бы не сказал вам, и чему... бы не поучал вас всенародно и по домам. Я

проповедовал иудеям и эллинам покаяние и обращение к Богу, и веру в Господа нашего Иисуса Христа. И вот ныне,.. по влечению Духа, иду... я... в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святой по... городам свидетельствует мне, что... меня ожидают узы и бедствия. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы... совершить... с радостью... поприще мое и служение, которое принял я от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией. И ныне, вот, я знаю, что все вы, между которыми я ходил и проповедовал Царствие Божие, уже не увидите лица моего. И потому свидетельствую вам в этот день, что чист я от крови всех, ибо я не упустил возвещать вам всю волю Божию. Итак, берегите себя и все... стадо, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею. Ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и что из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь... за собою... учеников. Посему, бодрствуйте, памятуя, что я три года... непрестанно... день и ночь... со слезами поучал каждого из вас. А ныне,.. братия,.. предаю вас... Богу и... Его... благодатному слову,.. могущему назидать /вас/ более и дать вам наследие со всеми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал. Сами вы знаете, что нуждам моим и /нуждам/ бывших при мне послужили эти мои... руки. Во всем показал я вам, что так... надобно,.. трудясь, поддерживать слабых и помнить слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: "более блаженства в том, чтобы давать, нежели брать"" (ср. Деян. 20, 18–35).

Окончив увещание, Павел преклонил колени свои и помолился вместе со всеми. При мысли, что его более не увидят, глубокая скорбь овладела сердцами присутствующих. Все молчали, и все плакали; наконец поневоле расстались.

Корабль, на котором отплыл Павел, должен был пристать в Тире для выгрузки товаров. Найдя здесь верующих, путешественники пробыли у них семь дней. Предвидя бедствия, коими Апостол должен был подвергнуться в Иерусалиме, тиряне молили его не ходить в город, но могли это сделать Павел, который шел туда по влечению Духа Божия? Отшествие его из Тира было отшествием отца семейства. Все верующие, не исключая малых детей, провожали его до самого берега. Здесь, став на колени, они испрашивали ему у Отца Небесного счастливого пути. Какая утешительная картина открылась для Павлова сердца! Как ничтожны были в сравнении с этим выражением непритворной любви все пышные и принужденные почести, которые оказывали земным исполинам!

Сойдя с корабля в Птолемаидской пристани, путешественники вскоре достигли Кесарии, где были приняты Филиппом благовестником, одним из семи диаконов, дочери которого, девицы, обладали духом пророчества. В это время пришел в Кесарию из Иудеи Пророк, именем Агав, тот самый, который в Антиохии предсказал некогда голод. Найдя Павла, он взял его пояс и, связав им себе руки и ноги, сказал, что так будет связан в Иерусалиме и владетель этого пояса. При этих словах кесарийские христиане, подобно тирским, начали просить Павла отказаться от его намерения быть в Иерусалиме. Убеждения сопровождаемы были слезами: так крепко они любили его! Павел любил их не менее, но чувства его всегда были подчинены долгу. Он знал, что узы, ожидающие его в Иерусалиме, по намерению Промысла, должны послужить к славе Евангелия – высшего блаженства для него не было на земле. «Что вы делаете?» – сказал он плачущим ученикам своим. – «Зачем плачете и расстраиваете сердце мое? Я... готов... не только... быть узником, но и умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (ср. Деян. 21, 13). Видя безуспешность своих прошений, верующие, наконец, успокоились, сказав: «Да будет воля Господня!» (Деян. 21:14) Через несколько дней Павел прибыл в Иерусалим в сопровождении некоторых учеников кесарийских, кои хотели указать ему пристанище в доме одного христианина, по имени Мнасон (Деян. 21, 16).

Здесь завершается история апостольских путешествий Павла. По весьма вероятным расчетам, они продолжались двенадцать лет. Пространство, измеренное стопами Апостола, начинается Аравией и оканчивается Иллирией (Гал. 1, 17; Рим. 15, 19)⁴⁵. Главным местом его действия была Малая Азия и Греция, конечно, потому что сюда стекалось множество народа со всех концов света, что могло служить к скорейшему распространению христианства. В самом деле, оно столь успешно распространялось проповедью Павла, что в Послании к Римлянам можно уже было сказать: "Голос проповедников разнесся по всей земле,.. и... слова их... до пределов вселенной» (Рим. 10, 18). Учитель языков имел ревностных сотрудников. Будучи его воспитанниками, они все действовали по его распоряжению, большей частью поливая то, что им уже было посеяно. Основав множество Церквей, Павел ни одной из них не дал письменно своего учения. Оно должно было сохраняться не в книгах, а в сердцах его учеников. Новообращенные слушали его, как Самого Бога, а он все уважение, какое оказывалось его лицу, старался обратить в пользу христианства, желая, чтобы ученики его, если можно, не знали вовсе своих земных наставников, а ведали лишь одного Небесного своего Учителя

Иисуса Христа. "Кто Павел? – писал он к коринфянам, – кто Аполлос? Они только служители, чрез которых вы уверовали» (1Кор. 3, 5). Действуя именем Бога, он от Него единственно ожидал помощи в трудах своих, Ему поручил возвращение того, что им было сделано.

Узы Павла в Иерусалиме

В Иерусалиме Павел был принят верующими со всеобщей радостью. Первым делом его было раздание милостыни, принесенной бедной братии. На другой день, посетив дом апостола Иакова, тогдашнего предстоятеля Иерусалимской Церкви, куда собрались и все пресвитеры, желавшие услышать от Павла об успехах христианства, он рассказал им подробно обо всем, что сотворил Бог у язычников посредством его проповеди. Все внимали его слову с удовольствием и славилы Бога, призревшего благодатию Своею и на сырых язычников. Пресвитеры, со своей стороны, уведомили Павла о состоянии Иерусалимской Церкви. «Многие тысячи иудеев, – говорили они, – признали Иисуса Христа Мессией, но продолжают держаться закона Моисеева. Все они наслышаны о тебе, что ты противного образа мыслей, и учишь отступлению от Моисея, запрещая обрезание»⁴⁶. «Всего вероятнее, что эти ревнители закона обратят особое внимание на твое поведение в Иерусалиме. Итак, последуй нашему совету: у нас есть четыре человека, которые дали обет Богу; присоединись к ним и возьми на себя их затраты на жертвоприношения»⁴⁷. «Таким образом узнают все, что слышанное ими о тебе неправда и что ты продолжаешь соблюдать закон. Впрочем, – продолжали они, – мы далеки от того, чтобы лишать христианской свободы обращенных язычников. По отношению к ним мы постоянно держимся прежних положений нашей Церкви, но что касается иудеев, то мы почитаем за нужное не соблазнять их неуважением к закону» (ср. Деян. 21, 20–24).

Павел, который твердо знал, что и обрезание, и необрезание для христианина ничто, а важна вера, споспешествуемая любовью, и что главный долг христианской свободы – не соблазнять слабых совестью, быть с иудеем как иудей, с язычником как язычник, охотно последовал совету братьев. Уже наступил седьмой день, когда надлежало окончиться обету, в котором Павел участвовал жертвоприношением в храме. Апостол явился туда, но, как оказалось, для того только, чтобы самому сделаться жертвой непредвиденного возмущения. Казалось, что сам Промысл, избравший эту минуту для лишения его свободы, не хотел, чтобы учитель язычников, первейший защитник христианской свободы, явился в виде почитателя закона в том храме, который давно уже потерял истинное свое значение. Он тотчас был замечен некоторыми из азиатских иудеев, пришедшими в Иерусалим для поклонения. В памяти этих суеверных людей мгновенно возникли все те случаи, когда Павел казался им

человеком презирающим отечественный закон. И этот, в их глазах, враг Бога и Моисея, осмелился войти в святилище с явным или тайным, как они думали, презрением его святыни! В пылу безрассудной ревности они полагали, что он вводил с собою в храм и язычников, в окружении которых его недавно видели. "Израильтяне, – воскликнули эти безрассудные люди, – помогите; вот человек, который повсюду... всех.. учит против народа еврейского и закона и этого священного места, который осквернил храм, введя в него язычников» (ср. Деян. 21, 28). Вопль этот разнесся по всему городу. Со всех сторон стеклись толпы народа, и без того во множестве окружавшие храм. Многие помнили еще измену Павла иудейству на пути в Дамаск, слышали и о его проповеди среди язычников, которая также почиталась изменой. Мнимый враг религии Моисеевой был схвачен и извлечен из храма, который тотчас заперли, по-видимому, для того, чтобы он не воспользовался им как прибежищем (3Цар. 1:50, 2:29).

Но прибежищем Павла был Тот, Кто не в рукотворенных храмах живет. Гонимый обрезанными, он был спасен от смерти язычниками, как бы в благодарность за его апостольское служение им. Римская стража, особенно во время праздников, тщательно наблюдала за всем, что происходило в народе. Часть ее в тот день была и при храме, поэтому о происшедшем возмущении тотчас стало известно тысяченачальнику Клавдию Лисию. Появление его с вооруженными воинами вынудило Павловых врагов остановиться. Он был взят под стражу и скован цепями. Поскольку, обвиняя его, одни кричали одно, другие – другое, то тысяченачальник велел отвести его в крепость⁴⁸, чтобы все разузнать впоследствии. Мятежники преследовали его до самого входа в крепость, так что воинам пришлось далее нести его на руках, чтобы он не был растерзан толпою до суда. При входе в крепость Павел пожелал сказать нечто тысяченачальнику. Последний, услышав, что он говорит по-гречески, подумал было, что это и есть тот самый египтянин, который незадолго перед тем произвел возмущение в народе против римлян и был виновен во многих убийствах и грабежах⁴⁹, но понял свое заблуждение, когда узнал, что узник его происходит из Киликии и никогда не думал быть главою заговорщиков.

Обвиняемый просил позволения говорить к народу. Римлянин согласился, и Павел, с намерением возбудить внимание к себе, заговорил с ними на еврейском языке. Средство это подействовало, народ умолк. Павел кратко огласил историю своей жизни, напомнил, что он был упорным гонителем христианства, но что был выведен из своего заблуждения чудесным явлением ему Иисуса Христа, ссылаясь на

Божественное откровение, вследствие которого он сделался Апостолом для язычников. Едва он произнес последнее слово, как сердца иудеев снова закипели в гневе – они не хотели более слушать того, кто благоприятствовал необрезанным, вопреки выгодам для потомков Авраамовых. Поднялся крик. Со всех сторон раздавались голоса к тысяченачальнику: «Истреби от земли такого! ибо ему не должно жить!» (Деян. 22, 22).

Столь неудачное развитие событий, вызвавшее новое ожесточение мятежного народа, спокойствие которого было первым предметом попечения римских правителей, вынудило тысяченачальника прибегнуть к строгим мерам. Он велел подвергнуть Павла пытке, желая выведать истинную причину всеобщего негодования. Павел никогда не отрекался от того, чтобы претерпеть самую смерть для славы Божией. Но мучения, которым он должен был теперь подвергнуться, не могли принести никакой пользы Евангелию, а поэтому он решил освободить себя от них, пользуясь правом римского гражданина. "Разве можно бичевать римских граждан, да еще и без суда?" – спросил он своих будущих мучителей. Произнести эти слова значило остановить суд. Услышав их, сотник в страхе поспешил с известием к тысяченачальнику. «Что ты хочешь делать?» – говорил он. – «Это... римский гражданин» (ср. Деян. 22, 25–26). Последний очень хорошо знал цену римского гражданства, заплатив за него великую сумму. Уверившись в истине Павловых слов, он велел отложить не только пытку, но и узы.

Не оставалось другого средства разобрать дело, как только заставив обвинителей говорить в присутствии обвиняемого, и наоборот. Назначили общее собрание, на котором должны были присутствовать первосвященники и весь синедрион. Павел бестрепетно выступил, дабы защитить имя Иисуса пред людьми, от которых он некогда домогался получения полномочий гнать Его. Чувство собственной невиновности, желание перелить его в сердца своих соотечественников, все еще любезных для него, наполнило всю его душу. "Братия! – воскликнул он, – я со всею чистотою совести жил перед Богом даже до сего дня». Этот голос искренности мог тронуть всякого, но в собрании том не было сердец, способных внимать ему. Первосвященник Анания первый почел эти слова выражением дерзости и приказал бить Павла по устам. Столь явная несправедливость исторгла из кротких уст Апостола строгий упрек: «Бог будет бить тебя, стена подбеленная (лицемер)! Ты сидишь, чтобы судить меня по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня!» Предстоящие изумились: Анания был первосвященник, а Павел назвал его подбеленною

стеною! «Как, – возразили некоторые, – ты злословишь первосвященника Божия? – Я не знал, братия, – отвечал Павел, – что он первосвященник; ибо в Писании сказано: начальствующего в народе твоём не злословь» (ср. Деян. 23, 1–5; Исх. 22, 28). Такой ответ отнюдь не был хитрой оговоркой, как представляют его себе некоторые⁵⁰. Прежний первосвященник, известный Павлу, или уже скончался, или давно перестал быть первосвященником. Корыстолюбие римских правителей производило часто смену преемников Аароновых, иногда в продолжение одного года проделывая это по два и более раза. Такие перемены Апостолу, удаленному от Иерусалима, могли быть вовсе не известны. Одежда первосвященника отличала его от прочих только в храме, а потому весьма возможно, что Павел не знал о первосвященстве Анании.

Но прилично ли вообще подсудимому христианину, Апостолу, жестоко укорять судей? Возражение это казалось столь сильным даже некоторым Отцам Церкви, что они признавали на этот раз в Павле неуместный порыв оскорбленного сердца. Напрасно! Должно думать, что Павел поступил в этом случае не как обыкновенный человек, но как посланник Божий, а известно ведь, что Пророки имели право обличать всех в преступлениях (3Цар. 18, 18; 4Цар. 3, 13; Ис. 1, 10, 23; Иез. 21, 25). Опыт показал, что его укоризна действительно была произнесена в пророческом духе, ибо со временем, когда возмутители под предводительством Менахема овладели Иерусалимом, Анания, скрывавшийся в водопроводе, был пойман и умерщвлен вместе с братом своим Гизкиею. Иисус Христос заповедал, чтобы последователи Его готовы были обратить левую щеку к тому, кто ударит их в правую (Мф. 5, 39), тем самым требуя от них только одного – уйти от мщенья, а не такого молчания, каким питается дерзость нечестивых людей. В этом отношении Павел вернее кого бы то ни было исполнял волю Иисуса Христа, как то же сам и говорил о себе: «злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим» (1Кор. 4, 12–13). Но в настоящем случае он поступил по примеру Иисуса Христа, Который также обличил несправедливость ударившего Его прежде Своего осуждения. Но если так, то зачем Павел оправдывает свой поступок? Для того чтобы устранить подозрение о якобы нарушении им закона, повелевающего не злословить первосвященника⁵¹.

После укоризны, сделанной Анании Павлом, надлежало совершенно отложить надежду на успех, к которому могла привести обыкновенная защита своего дела. Раздраженное самолюбие первосвященника неспособно было ни видеть, ни слышать истины, прочие же судьи, без

сомнения, были большей частью его угодники. Павел нашел другой способ обнаружить свою невиновность, по крайней мере, перед римским судьей, который должен был уже по закону принимать в нем деятельное участие, как в римском гражданине. Толпа его обвинителей состояла из фарисеев и саддукеев. И те и другие думали совершенно различно о важнейших предметах религии: первые допускали воскресение и бытие духов, последние отвергали оба эти догмата (Деян. 23, 8). В этом-то разногласии обвинителей обвиняемый и нашел для себя надежное убежище. "Братия! – сказал он, – я фарисей, сын фарисея, за чаяние воскресения мертвых меня судят»⁵² (Деян. 23, 6). Если бы иудеи способны были судить хладнокровно, то они в этом случае обратили бы внимание на прочие составляющие Павлово учение, чтобы видеть, точно ли он не более, как фарисей. Но такая хладнокровность была несовместима с их опрометчивым характером. Секта фарисейская, не противореча самой себе, не могла не принять под свою защиту человека, которого осуждают за то, чему она верит. Более всего располагала фарисеев в пользу Павла их закоренелая ненависть к саддукеям. Его защита поэтому предоставляла им приятную возможность доказать свое превосходство. Произошел сильный спор между обеими сектами. Фарисеи в пылу энтузиазма заявили о невиновности Павла также и в том случае, если бы он учил чему-нибудь новому, предполагая сообразно началам своей секты, что он, может быть, удостоился на то Божественного откровения. Взаимное ожесточение спорящих сторон подвергло Павла новой опасности. Саддукеи, имея на своей стороне первосвященника, могли без суда растерзать его на части. Римский военачальник заметил эту опасность и велел воинам проводить его в крепость.

Что должно было происходить в это время в душе Павла? Вся нация, любезнейшая для него нация, в лице своих вождей почитала его своим врагом и искала его смерти у римского судьи. Он же, не видя никакого средства разуверить их в этом прискорбном для его сердца заблуждении, вынужден был, оставляя отеческие законы, священные для каждого патриота, прибегнуть к праву римского гражданина, предоставлявшему ему убежище, праву, ненавистному для его сограждан, которые уже в полной мере чувствовали тягость римского ига, не совсем приятному, без сомнения, и для Павла, который вменял в тщету и не такие приобретения, как римское гражданство. Сколько и других мыслей могло волновать душу Апостола, особенно если предположить, что благодать Божия предоставила его в этом случае (как это бывает с людьми самыми высокими в святости) силам собственного немощного человеческого

естества. Как бы то ни было, дух Павлов ослабел в это время и имел нужду в подкреплении, поэтому в следующую ночь явился ему Сам Иисус Христос и сказал: «Дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме» (Деян. 23, 11). Утешение истинно апостольское, или, паче, Божественное! Павла тяготили не узы, но невозможность проповедовать Евангелие, и вот ему предвозвещается исполнение его любимого желания – благовестовать о Господе Иисусе Христе в столице мира! Большой отрады и не желал он в этой жизни.

В следующий день против Павла был учинен самый гнусный заговор. Более сорока человек, едва ли не подущенные Ананией, заклинали себя не вкушать пищи, пока не лишат его жизни⁵³. Обет этот был открыт ими Верховному иудейскому совету, который не только одобрил этот умысел, но взялся споспешествовать его исполнению, то есть взялся быть орудием злодеев! Таковы уж были в то время вожди народа, некогда возлюбленного Богом! Последние согласились потребовать у тысяченачальника на суд Павла, как бы для дальнейшего рассмотрения дела, на самом же деле для того, чтобы предоставить заговорщикам возможность напасть на него. Но дела тьмы редко не изменяют сами себе. Молодые заговорщики вели себя вызывающе, так что вскоре это обнаружилось, и Павел заблаговременно был извещен об их злом умысле своим племянником.

Получивший уверение явлением Иисуса Христа в том, что ему надлежит быть в Риме, он мог спокойно ожидать от Промысла разрушения заговора, но он знал, что Промыслу угодно, чтобы мы употребляли и естественные средства для своего спасения; знал, что ожидать в каждом случае чудодейственной помощи свыше – значит искушать Бога. Поэтому, через того же юношу Павел немедленно известил об опасности тысяченачальника. Тот слишком хорошо знал мятежный нрав иудеев, чтобы не поверить этому донесению, к тому же воочию видя пред собою их безумную ненависть к Павлу. С другой стороны, без всякой нужды подвергнуть римского гражданина опасности было предосудительно для того, кто сам так дорожил своим званием. Всего благоразумнее казалось отправить узника к иудейскому прокуратору, находившемуся тогда в Кесарии, суду которого и без того подлежало по своей важности Павлово дело. Так и было сделано.

Тысяченачальник, призвав к себе двух сотников, велел им приготовить двести пеших воинов, семьдесят конных и двести стрелков-телохранителей, чтобы с третьего часа ночи идти в Кесарию, а также приготовить ослов, чтобы, посадив Павла, в безопасности препроводить

его к правителю Феликсу. Под столь сильным прикрытием⁵⁴ Павел на следующую ночь был отвезен в Антипатриду. Поскольку дальнейший путь, по причине отдаленности от Иерусалима, был менее опасен для узника, то телохранители и пешие воины возвратились отсюда в Иерусалим, предоставив его охрану одним конным воинам. По прибытии в Кесарию Павел немедленно был представлен Феликсу вместе с письмом от тысяченачальника, следующего содержания⁵⁵:

«Клавдий Лисий достопочтенному правителю Феликсу желает здравствовать. Этого человека, которого иудеи схватили и готовы были убить, я, придя с воинами, отнял его, узнав, что он римский гражданин. Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его... в их синедрион и нашел, что его обвиняют в некоторых спорных мнениях, относящихся до их... закона, но что нет за ним никакой вины, достойной смерти или оков. А так как до меня дошло, что иудеи... на него злоумышляли, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям, чтобы они говорили на него пред тобою. Прощай» (ср. Деян. 23, 26–30).

Прочитав это письмо, Феликс спросил Павла, из какой он области, и, узнав, что он киликиянин, сказал: «Я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители». До того времени велено было Павлу находиться под стражей в Иродовой претории⁵⁶.

Через пять дней обвинители явились, приведя с собою для большего успеха в деле судебного оратора, именем Тертулл. Наемный защитник лжи, величая Феликса миротворцем и благодетелем иудейской страны (который, по свидетельству Тацита, с царской властью соединял сердце раба и очернил память свою многими злодействами), обвинял Павла в возмущении народного благоденствия, в пренебрежении законом и осквернении иудейского храма. Иудеи единогласно засвидетельствовали истину его слов. «Павел же, когда правитель дал ему знак говорить, отвечал: Так как я знаю, что ты многие годы справедливо судишь народ сей, то тем свободнее могу я говорить, защищая себя. Ты можешь узнать, что не более двенадцати дней назад я пришел в Иерусалим для поклонения⁵⁷. И... они не находили, чтобы я с кем-либо спорил в храме или производил народное возмущение в синагогах или по городу, и не могут доказать того, в чем теперь обвиняют меня. Но в том признаюсь тебе, что подлинно тем образом Богопочитания, который они называют ересью,.. служу Богу отцов /моих/, веруя всему написанному в законе и пророках, имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают».

Таким образом, Павел не скрывал сущности дела, своего образа

мыслей и отношения христианства к иудейству и не думал обманывать своих судей тем, что он продолжает якобы держаться иудейства в прежнем его виде.

"Для того и... подвизаюсь я, чтобы иметь... всегда... непорочную совесть перед Богом и людьми. После многих лет моего отсутствия я пришел отдать народу моему... милостыню и приношения». Чего, конечно, никогда не сделал бы враг иудейской нации и религии.

«Между тем, нашли меня очистившегося в храме не с толпой народа и не с шумом. /Это были/ азийские иудеи, которым надлежало бы предстать пред тобою и обвинять меня, ежели что... против... меня имеют». Требование совершенно справедливое, без исполнения которого нельзя было и судить Павла. Или пусть они сами скажут,.. нашли ли они во мне... какую вину, когда я стоял перед синедрионом. Разве только вина моя в одном слове, которое... я... громко произнес,.. стоя пред ними:.. я сегодня судим вами за /учение о/ воскресении мертвых» (ср. Деян. 24, 10–21). То есть – если только его захотят осудить совершенно невинно.

Феликс, который уже из письма Лисия ясно увидел невинность Павла, тотчас приметил, что обвинители его действуют по одной злобе, но порядок судопроизводства требовал, чтобы клевета, возводимая на него, была рассмотрена законным порядком. Надлежало узнать, точно ли "назорейская ересь» (Деян.24:5), в коей обвинялся Павел, была противна закону Моисееву, неприкосновенность которого римская власть брала под свою защиту, и точно ли он производил возмущение в народе. О последнем должен был дать свидетельство Лисий. Итак, Феликс в ожидании сего тысяченачальника отпустил первосвященников и старейшин, собственно говоря, ни с чем. Павел остался под стражей, которая по приказанию прокуратора ослаблена была до того, что он имел полную свободу видаться со своими знакомыми и получать от них все нужное для себя.

Желание любопытства ради услышать начальника (как называл Тертулл Павла) «новой ереси», которая стала уже обращать на себя всеобщее внимание, а более, вероятно, любопытство Феликсовой жены Друзиллы, которая, будучи иудеянкой знатного происхождения⁵⁸, могла принимать живое участие в деле Павла, в которое вовлечен был весь синедрион, расположили прокуратора послушать его проповедь о христианской религии. Развращенный язычник спокойно и со вниманием слушал проповедника, когда тот говорил о жизни и чудесах Иисуса Христа. Повествование это пока еще уживалось в его памяти рядом с известными ему рассказами о полубогах, но когда Павел начал рассуждать

о чистоте, воздержании, справедливости и о будущем суде, то Феликс пришел в страх, язвы совести его раскрылись, он не мог далее слушать и отпустил Павла, сказав: «Теперь пойдешь, а когда найду время, позову тебя». «О, преступное отлагательство! – восклицает по этому поводу блаженный Августин. – О, слова, исполненные вражды на благодать Божию! Любовь к миру, рассеянность, непрестанные забавы никогда не позволят снова найти удобное время, пренебреженная благодать удалится, и грешник пробудится от своего усыпления разве только в аду».

В самом деле, Феликс впоследствии уже не чувствовал благотворного страха и угрызений совести, хотя часто призывал к себе и слушал Павла. Невинность узника была совершенно очевидна для него. Он готов был возвратить ему свободу, ожидая только награды за свое правосудие. Узы и рубища Павловы не могли вселять надежду в корыстолюбивое сердце прокуратора. Но ему доводилось слышать от самого Павла о деньгах, принесенных им в Иерусалим, и он, без сомнения, полагал, что и назорей (христиане) не пожалеют сокровищ, чтобы доставить свободу своему начальнику. Напрасно! Павел рассуждал о правосудии, воздержании, суде, но ни словом не обмолвился о том, чего хотелось услышать корыстолюбцу. По прошествии двух лет Феликс должен был уступить свое место Фесту Порцию. Желая угодить иудеям, он оставил Павла в узах, но и тут, несчастный, обманулся, ибо они, после того, как он удалился от должности, тотчас явились в Рим с жалобами на его жестокости.

С новым прокуратором ожила и надежда Павловых врагов. Едва он явился в Иерусалим, как они предстали пред ним с жалобами. Сначала требовали смертного приговора, но получив ответ, что у римлян нет обыкновения осуждать человека без рассмотрения его вины, просили доставить Павла из Кесарии в Иерусалим, имея намерение умертвить его в пути. Фест обещал рассмотреть дело, но в Кесарии, куда приглашал явиться и обвинителей. Они явились и возвели на Павла самые тяжкие обвинения, которым не было, конечно же, доказательств. Обвиняемый решительно и спокойно отвечал, что он не совершал никакого преступления ни против народа иудейского, ни против храма, ни против кесаря. Фест, желая приобрести благосклонность иудеев, спросил Павла, не согласится ли он, чтобы его дело было рассмотрено в Иерусалиме, как того недавно требовали его враги. Согласиться на это значило предать себя в жертву их ярости и коварству. «Требую суда кесарева» (Деян. 25, 11), – отвечал Павел. Это значило, что он не хочет быть судим областными правителями и пользуется правом римского гражданина. «Тогда Фест, поговорив по обыкновению с советниками своими, сказал: ты потребовал

суда кесарева, к кесарю и отправишься» (Деян.25:12).

Между тем, как Фест ожидал случая отправить Павла наряду с другими узниками к кесарю, для поздравления его с должностью иудейского правителя прибыл в Кесарию Агриппа, царь Халкидский⁵⁹. Вместе с ним прибыла и знаменитая своею красотой сестра его Вереника, которая, после развода с Полемоном, царем Киликийским, жила у Агриппы⁶⁰. Прибытие их послужило для Павла поводом еще раз торжественно засвидетельствовать перед лицом иудеев о том уповании, ради которого он был заключен в узы. Поскольку Агриппе, как иудею по происхождению, хорошо известна была иудейская религия и поскольку он имел право назначать первосвященников и заботиться о благоустройстве Иерусалимского храма⁶¹, в осквернении которого обвиняли Павла, то Фест, желая воспользоваться его сведениями и советом, пересказал ему историю судопроизводства над Павлом. Рассказ этот вызвал у Агриппы желание выслушать самого Павла. Фест согласился и назначил собрание, в котором должны были присутствовать Агриппа, Вереника, тысяченачальники и все почетные кесарийские граждане. Когда Павел был приведен в собрание, Фест сказал: «Царь Агриппа и все присутствующие с нами мужи! Вы видите человека, против которого и ...в Иерусалиме, и здесь... иудеи во множестве приступали ко мне с криком, что ему не должно более жить. Но я нашел, что он... ничего... не сделал... достойного смерти, и так как он сам потребовал суда у кесаря, то я решился послать его /к нему/. Теперь, не имея ничего достоверного, что бы можно было написать о нем государю, я представляю его вам и особенно тебе, царь Агриппа, дабы по рассмотрении было мне что написать. Ибо мне кажется неприлично послать узника и не указать, в чем его обвиняют» (ср. Деян. 25, 23–27). После этого Агриппа позволил Павлу говорить за себя, и тот, простерши вверх руку⁶², в свою защиту сказал следующее:

«Царь Агриппа! Я почитаю себя счастливым, что... пред тобою... сегодня могу защищаться от всех обвинений, которые предъявляют мне иудеи⁶³, тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения иудейские. И потому прошу тебя выслушать меня великодушно. Жизнь мою от юности /моей/, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все иудеи... Знают также обо мне издавна, ежели захотят свидетельствовать, что я жил... по... учению... фарисейскому, строжайшему в нашем вероисповедании. И ныне я стою пред судом за надежду на обетование, данное от Бога... отцам... нашим, исполнение которого надеются увидеть все наши двенадцать колен, непрестанно служа /Богу/ день и ночь. Эту-то надежду, царь Агриппа, ставят мне в вину

иудеи. Что же, неужели вы... почитаете... невероятным, что Бог воскрешает мертвых? Правда, я и сам думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея... и... я... делал... это... в Иерусалиме» (ср. Деян. 26, 2–10).

После этого, изобразив свои жестокости в Иерусалиме над христианами и описав явление ему Иисуса Христа во время путешествия в Дамаск, Павел продолжал: «Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному явлению, но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом по всей земле Иудейской и у язычников проповедовал, чтобы... покаяться и обратились к Богу, и делали дела, достойные покаяния. За это... иудеи... схватили... меня... в храме и покушались убить. Получив же от Бога помощь,.. до сего дня я жив и свидетельствую малому и большому, не говоря ничего более, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, /то есть/, что Христос должен был пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет сему народу (иудейскому) и язычникам» (ср. Деян. 26, 19–23).

Последние слова об Иисусе Христе, крестная смерть Которого сделалась источником благословения для всего рода человеческого, Фесту, надменному предрассудками язычества, показались столь странными и несбыточными, что он, прервав Павлову речь, вслух сказал: «Безумствуешь ты, Павел, большая ученость доводит тебя до сумасшествия. Нет, достопочтенный Фест, – отвечал Апостол, – я не сошел с ума, но говорю слова истины и здравого смысла. Ибо знает об этом царь, пред которым я и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь о том⁶⁴ сокрыто, ибо это не в углу происходило. Верить ли, – продолжал он, обратившись к Агриппе, – верить ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь (ср. Деян. 26, 24–27). Слова эти так сильно подействовали на царя, что он как бы невольно сказал: "Ты едва ли не убедил меня сделаться христианином"... Молил бы я Бога, – отвечал Павел, – чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все слушающие меня сегодня сделались такими, как я, кроме этих уз» (ср. Деян. 26, 28–29). На этом беседа прекратилась, все присутствовавшие встали и, отойдя от Павла, рассуждали о его деле. Агриппа решительно объявил Фесту, что, по его мнению, Павел совершенно невиновен и что его можно было бы освободить, если бы он уже не потребовал для себя кесарева суда. Поэтому решено было отправить его в Рим.

К чему, могут спросить здесь, послужило долговременное заключение, продолжавшееся два года, Павла в Иудее? Не лучше ли было бы, если бы он провел это время в проповедании Евангелия язычникам?

Сколько тысяч душ, ослепленных идолопоклонством, выведено было бы им из тьмы в свет? Чтобы уразуметь в этом случае достойные поклонения пути Промысла Божия, надлежит припомнить, какая же цель пребывания Павла в Иерусалиме была назначена ему Самим Иисусом Христом: он должен был торжественно свидетельствовать иудеям о Божественности Иисуса Христа, ими отверженного и гонимого (Деян. 23, 11). Это было последнее воззвание, которым Промысл вразумлял потомков Авраама, прежде нежели наступило время предать их конечному отвержению за убиение Богочеловека. В этом отношении нельзя было найти провозвестника покаяния лучше Павла, прежнего гонителя христиан, теперь ревностнейшего их защитника. Самые узы его, очевидно, также свидетельствовали о Божественности Иисуса Христа – они обратили на него внимание всего верховного совета иудейского и, следовательно, всего Иерусалима, всей Иудеи. В лице Павла, некоторым образом, вновь предстал на суд иудеев Сам Иисус Христос. Большинство иудеев, ослепленных предрассудками, снова не узнали, отвергли Его, но были, конечно, и такие, для которых пример обращенного в христианство Савла послужил во спасение.

Плавание Павлово в Рим

Для препровождения Павла вместе с прочими узниками в Рим назначен был сотник Августова полка, именем Юлий, муж, как видно из его обращения с Апостолом, кроткий и человеколюбивый. Двое из Павловых учеников и друзей, Лука и Аристарх, находившиеся при нем во время его заключения в Иерусалиме и Кесарии, сопровождали его и в Рим. Многотрудное плавание их служит разительным доказательством той утешительной для нас истины, что верующим все споспешествует во благое и что Промысл блюдет праведников как зеницу ока. Не касаясь подробностей всего плавания, расскажем о нем так, как описал его сам евангелист Лука.

Корабль, на котором поместили узников, плыл не в Италию, а в приморские города Азии. Сотник воспользовался им по причине недостатка кораблей, плывущих в Рим, в надежде, что в каком-нибудь порту по пути следования найдется корабль, идущий в Италию. Время было осеннее. О месте, откуда началось плавание, не упоминается, но весьма вероятно, что это была Кесария. На другой день плавания пристали к Сидону. Сотник так расположен был к Павлу, что позволил ему без всякой стражи сходить к тамошним христианам, с готовностью принявшим его. На пути из Сидона супротивные ветры занесли их на Кипр. Отсюда, через Киликийское и Памфилийское море, они прибыли в Миры Ликийские, где корабль их должен был остаться. Узников перевели на другой, плывший в Италию. Между тем наступил октябрь – время, с которого плавание по морю уже считалось опасным. Затрудняющие движение ветры непрестанно усиливались. Павел советовал сотнику провести зиму в порту, называемом Хорошие Пристани, предсказывая, в противном случае, грозящую их жизни опасность, но корабельщик и многие другие, находя этот порт неудобным для стоянки, хотели плыть далее, став на зимовку в одной из Критских пристаней. Сотник, к несчастью, предпочел их мнению совету Павла. Вышли в море при благоприятном ветре, но вскоре поднялась буря, корабль захватило вихрем, и они неслись, сами не зная куда. Груз, а потом и прочие вещи, были брошены в море для облегчения корабля, но опасность не уменьшалась. В течение четырнадцати дней они не видели ни солнца, ни звезд, не вкушали пищи, ожидая единственно смерти.

Один Павел не знал страха и уверял своих спутников, что их потеря будет состоять лишь в корабле, тогда как все люди спасутся. Говорил он

это вследствие откровения, ибо Ангел, явившись ему ночью, возвестил, что Бог ради него избавит от смерти всех его спутников. Между тем мореплаватели, измерив глубину, заключили, что корабль их приближается к земле. Боясь попасть на камни, они бросили четыре якоря, а сами, спустив лодку, приготовились бежать. Павел прозрел их умысел и дал знать о нем сотнику, который немедленно предотвратил их побег, велел оттолкнуть лодку от корабля. После происшедшего Павел снова ободрил своих спутников, уговаривая их подкрепиться пищею, уверяя именем Божиим, что ни у одного из них не пропадет и волоса с головы. Следуя его примеру, они действительно ободрились и вкусили пищу.

С наступлением дня они увидели землю, пока не зная еще какую. Вытащив якоря и подняв парус, мореплаватели поспешили войти в залив, но потеря корабля, предсказанная Павлом, была неизбежна. Попав на мель, корабль увяз носом в песке, между тем как корму его разбивали волны. Нельзя было более оставаться на нем. Воины, стремясь предупредить неизбежный, по их мнению, побег узников, хотели предать их смерти, но сотник, желая спасти Павла, удержал их от этого варварства. Начали спасаться, одни вплавь, другие на досках. Предсказание Павла сбылось в точности – никто не погиб. «Такова, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – польза от сожития с праведником, хотя и узником: с ним всюду безопасно».

Земля, на которую буря выбросила спасшихся, была островом Мелит (Мальта), подвластным Риму. Его жители приняли потерпевших кораблекрушение весьма человеколюбиво. Чтоб обсушить их, на берегу был разведен огонь. Когда Павел вместе с другими подкладывал в него хворост, то из сухих прутьев выползла ядовитая змея и обвилась вокруг его руки. Мелитийцы, увидя это, подумали, что гнев небесный преследует его за какое-то убийство, и ожидали Павловой смерти. Но он спокойно стряхнул змею в огонь, не претерпев никакого вреда. Обстоятельство это привело островитян, как ранее ликаонцев, к мысли, что он не человек, а Бог. Павлу вскоре представился случай удостоверить их в том, что он и не Бог, и не простой человек: принятый в дом начальником острова, он исцелил своими молитвами его отца, страдавшего горячкой. Когда слух об этом разнесся по острову, то к чудесному врачевателю со всех сторон стали приходить всякого рода больные, и все получили от него исцеление. Из благодарности за такое благодеяние островитяне снабжали Павла и его спутников всем нужным, оказывая им всяческие почести.

Через три месяца снова открылось мореплавание. Узники посажены были на другой корабль, который, перезимовав на Мелите, шел в Италию.

По пути они делали остановки в Сиракузах, что в Сицилии, потом в Ригии, что в Калабрии, и, наконец, вышли к итальянским берегам близ Неаполя у Путеолской пристани. Здешние христиане удерживали их у себя целую неделю. Отдохнув, узники тронулись далее. Их ждал Рим. Вход Павла в Рим походил на торжественное вступление героя, возвращающегося с победой. Римские христиане вышли ему навстречу еще на подходе к городу. Их усердие было для Павла новым залогом того, что Промысл Божий не оставит его без Своей защиты и здесь в Риме: он ободрился духом и возблагодарил Господа. Это было в начале весны, около 61 года нашей эры, в седьмое лето царствования Нерона.

Первые узы Павловы в Риме

Узники, по обыкновению, сданы были преторианскому военачальнику, которым являлся тогда Бурр, знаменитый наставник юного Нерона и друг Сенеки. Павлу, без сомнения, вследствие хорошего отзыва о нем Феста и Юлия, позволили жить в наемном доме, под так называемой благородной, или легкой, стражей. Для понимания особенностей такого заключения следует сказать, что у римлян стража вообще была тройкого рода: одни узники содержались в темнице, насчитывающей три отделения; другие, менее виновные, – при судебных местах; третьи жили в наемных и даже собственных домах. Надзор за последними состоял в том, что при каждом из них находился воин, который был соединен с узником длинной веревочкой. У воина она привязывалась к левой, а у подсудимого – к правой руке. В таком виде они могли ходить повсюду. Стража, под которой находился Павел, была последнего рода.

На третий день по прибытии в Рим Павел призвал к себе знатнейших из иудеев, чтобы изъяснить им причину своих уз и те намерения, с которыми он желал явиться на суд кесаря. Без этого они не преминули бы почесть его за человека подозрительного, который ищет случая клеветать перед императором на свое отечество, как то часто случалось в те времена. "Братия! – сказал им Павел. – Не сделав ничего против народа и отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки римлян. Они, судив меня, хотели освободить, потому что нет во мне никакой вины, достойной смерти. Но так как иудеи противоречили, то я принужден был потребовать суда у кесаря, впрочем, не с тем, чтобы обвинять в чем-либо... народ... мой,.. ибо за надежду Израилеву обложен я этими цепями» (ср. Деян. 28, 17–20). Иудеи, отвечая, что они не слышали о нем ничего худого, просили, однако же, открыть им свой образ мыслей о религии, ибо нам, говорили они, известно, что учение, тобою проповедуемое, всюду служит предметом споров. В назначенный день они собрались для этого в дом Павла, и тот с утра до самого вечера разъяснял им со всеми подробностями исповедуемую уже многими христианскую веру. Одни убеждались в сказанном, но другие не принимали услышанного, так что Апостол невольно должен был повторить, напомнив им, упрек, сделанный некогда Пророком Исаиею еврейскому народу. "Хорошо, – сказал он, – Дух Святой говорил чрез пророка Исаию... отцам нашим: пойдя к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих... Итак, да будет... известно... вам,

– продолжал Павел, – что спасение от Бога послано язычникам; они и услышат» (ср. Деян. 28, 25–29). Слова эти некоторых из иудеев заставили пристальнее размышлять о христианстве, но у других возбудили негодование.

Поскольку обвинители Павла не являлись (ожидая, вероятно, благоприятных обстоятельств и вымышляя наиболее правдоподобную клевету), то он целых два года провел в ожидании суда и, пользуясь свободой, возвещал имя Христово всем, кто приходил к нему (Деян. 28, 30–31). За это время им могло быть сделано очень много в пользу Евангелия, хотя мы и не имеем подробных сведений об успехах Павловой проповеди в Риме. Между тогдашними жителями Рима, несмотря на упадок нравов, еще были люди, расположенные к добру. В Послании к Филиппийцам Павел утвердительно говорит, что узы его послужили в пользу благовествования и сделались известны всей претории, то есть или всему дому кесарева, или, по крайней мере, всем преторианцам (Флп. 1, 12–14). Что известность эта не ограничивалась одним слухом о Христе, Которого проповедовал Апостол, видно из того же Послания, где он приветствует филиппийцев от лица христиан, принадлежавших к кесареву дому (Флп. 4, 22).

Кто именно были эти христиане – неизвестно. Упоминают о некоем Торпете, который, по свидетельству «Римской mineи», впоследствии сделался мучеником; причисляют к ним Сабину Поппею, которая, по словам Иосифа Флавия, была ревностной покровительницей иудейского народа, однако в этом отношении большего доверия заслуживает Тацит, по сказанию коего у этой женщины «было все, кроме честной души». Гораздо вероятнее догадка тех, кто видит христианку, обращенную Павлом, в Помпонии Грецине, жене Плавта. Подозрения о ее принадлежности к «чужестранной ереси», ее долгая жизнь, проведенная в постоянной набожности, заставляют думать, что она входила в число первохристиан Рима. Весьма вероятно также, что известный философ Сенека, как повествует предание (древнее, хотя не совсем верное), был знаком апостолу Павлу. В пользу этого свидетельствует дружба Сенеки с Бурром, под главным надзором которого находился Павел, а также и то, что этот философ жил при дворе, которому Павел был хорошо известен. Но переписка философа с Апостолом, как увидим далее, совсем не имеет исторической достоверности.

Между тем, когда слух об узах Апостола в Иерусалиме дошел до Филиппийской Церкви, она отправила к нему одного из своих предстоятелей, Епафродита, с подаянием (Флп. 2:25, 4:14–18). Усердие это

было весьма приятно Апостолу "не потому, – говоря его словами, – что нуждался, ибо он научился всегда быть довольным своим состоянием» (ср. Флп. 4, 10–14), но потому, что усердие филиппийцев к вероучителю свидетельствовало об их усердии к самой религии. К прискорбию Павла, Епафродит, находясь у него, опасно заболел, но Господь не захотел к печали Апостола прибавить новую печаль, и больной выздоровел (Флп. 2, 26–27). В обратный путь с ним было отправлено Послание к Филиппийцам, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, самое богатое сердечными чувствованиями. Благодаря христиан за усердие к себе, Павел побуждает их быть твердыми в вере и благочестии, советуя в то же время остерегаться иудействующих лжеучителей, которые внушали соплеменникам искать оправдание не в вере в Иисуса Христа, а в делах закона Моисеева – в обрезании.

Приблизительно в это же время Павел обратил в христианство Онисима, беглого раба, принадлежавшего Филимону, одному из почетнейших христиан и граждан колосских. Ища себе убежища в Риме, куда, по словам Тацита, стекалось со всех концов земли все нечистое, и, может быть, мучимый совестью, он пристал к Апостолу в надежде примириться с его помощью со своим разгневанным господином. Наставления и увещания Павловы совершенно переменяли его нрав – он сделался истинным христианином, которого Апостол не усомнился впоследствии назвать своим сыном, даже своим сердцем (Флм. 1, 12). Насколько Онисим был прежде бесполезен для Филимона, настолько сделался теперь пригодным для Павла. Последнему хотелось даже оставить его при себе, но он не решился на это без согласия Онисимова господина, «чтобы доброе дело... было не вынужденно, а добровольно» (Флм. 1, 14). Поэтому Онисим был отправлен к Филимону с письмом, в котором Апостол, беря его вину на себя, просил принять его уже не как раба, а как возлюбленного брата. Без сомнения, Филимон исполнил желание столь высокого просителя. Есть предание, что Онисим сделался впоследствии преемником Тимофея в Ефесском епископстве.

С Онисимом же и Тихиком послано было письмо к Колоссянам. Поводом к нему, кроме общей попечительности Павла о благосостоянии всех христианских Церквей, было пришествие в Рим Епафраса, учителя (если не основателя) Колосской Церкви, который известил Апостола о вере и благочестии своих учеников. Увещевая колоссян сохранять духовные дары, быть твердыми в вере и добродетели, Павел предостерегает их от некоторых лжеучителей, которые старались обольщать христиан ложной философией, суеверным почитанием

Ангелов, слепую привязанностью к обрядовому закону.

В продолжение первых же римских уз написано Павлом и Послание к Евреям. В нем утверждается Божественное достоинство Иисуса Христа и Его Вечное Священство по чину Мелхиседекову, показывается, что закон обрядов с пришествием Мессии должен потерять свою действенность и уступить место новому закону благодати. Споры об авторе этого Послания не относятся к предмету нашего повествования. Нельзя, впрочем, не заметить, что они давно были бы окончены, если бы критики обращали больше внимания на дух этого Послания, который является истинным духом Павлова богословия.

После двухлетнего ожидания Павел был позван на суд Нерона. По римскому обычаю друзья и ученики Апостола имели право быть свидетелями судопроизводства над ним, но тут «все... оставили» его (ср. 2Тим. 4, 16), ибо страшно было им оказаться пред этим львом (как называет Нерона Павел)! Так непостоянна природа человеческая даже в самой чистой дружбе! Один лишь небесный Друг, Господь Иисус Христос, ради Которого Павел приносил себя в жертву, не оставлял его: Он посетил Своего Апостола и укрепил его дух. Явились ли иерусалимские враги Павловы на этот суд или нет, в чем обвиняли они его и как он защищал себя от их клеветы – неизвестно. Упомянув об этом суде во Втором послании к Тимофею, Апостол непосредственно пред тем жалуется на одного кузнеца, Александра (2Тим. 4, 14). Не был ли он в числе обвинителей Павловых? Но кто он и чем вредил Апостолу, также неизвестно. Даже спорят о том, чем кончился суд над Павлом: смертью его или освобождением?

Полагали и ныне некоторые полагают, что первые узы Павловы в Риме были вместе с тем и последними. Но этому взгляду, при всей учености его защитников, недостает основательных доказательств. В подтверждение же истинности противоположного мнения, утверждающего, что первые узы Павловы окончились освобождением, свидетельствует следующее:

1. /Всеобщее предание Церкви/. Правда, это предание становится известным только со времен историка Евсевия, но тем не менее оно важно, ибо Евсевий заимствовал его из ныне утерянных сочинений Дионисия Коринфского, во время жизни которого участь Павла была еще у всех свежа в памяти. Встречающиеся у Евсевия выражения: «как носится слух», «как говорят», не указывают еще на то, чтобы он считал это предание недостоверным, так как ясно говорит, что предание это пересказано им для того, чтобы кто-нибудь не подумал, что первые узы Павловы в Риме

окончились его смертью. Историки, пересказывая предание, нередко употребляют выражения, которые можно понимать двояко, смотря по ходу повествования. Со времен Евсевия предание об освобождении Павла из римских уз становится общеупотребительным для всех писателей. Нельзя думать, чтобы они основывались в этом случае лишь на одной значимости для себя Евсевия, как историка.

2. /Многие места в посланиях Павловых/, написанных им из Рима (Флп. 2, 19, 24; Флм. 1, 22; Евр. 13, 23). Автор везде проявляет твердую надежду на свое освобождение и обещает снова посетить учеников своих. Следует даже полагать, что Послание к Евреям написано Павлом по своему освобождению от уз, о чем он и говорит в заключение: «Знайте, что брат наш Тимофей освобожден, и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас» (Евр. 13, 23).

3. /Заключение Деяний апостольских/. "И жил, – пишет святой Лука, – Павел целых два года в нанятом им доме, и принимал всех приходящих к нему, проповедуя Царствие Божие и... невозбранно... уча о Господе Иисусе Христе со всем дерзновением» (ср. Деян. 28, 30–31). Если бы Павел, когда были написаны апостольские Деяния, носил еще узы, то Лука не сказал бы: «жил... и принимал», равно как если бы Павла в это время не было уже в живых, он не преминул бы в конце своей книги упомянуть, хотя бы кратко, о его кончине, тем более, что большая часть Деяний святых апостолов есть не что иное, как история Павловых путешествий. Весьма вероятно, что обвинители Павла (если только они имели бесстыдство явиться на суд кесаря) не могли доказать своей клеветы, между тем как в пользу обвиняемого ходатайствовали и одобрение Феста и Юлия, и собственная его беспорочная жизнь, и усердие римских христиан, особенно принадлежавших к дому кесаря. Нерон в это время, по замечанию Евсевия, еще не совсем забыл прежнюю свою кротость и слушал иногда своих мудрых и добродетельных наставников, а потому мог быть справедливым в деле иудейского узника, оправдания которого требовала и честь римского имени.

Относительно же самого образа и времени освобождения Павлова нет никаких достоверных свидетельств. Существует предположение, что с Павла были сняты узы по случаю умерщвления Агриппины, матери Нерона, когда в Риме торжественно праздновали это злодеяние и когда, в память спасения императора от мнимой опасности со стороны Агриппины, многим узникам была дарована свобода. Догадка довольно правдоподобная, но едва ли согласующаяся с хронологией.

Четвертое апостольское путешествие Павла и последние его узы в Риме

Остальная часть Павловой жизни, по признанию историков, дает повод ко многим недоумениям и спорам. Причина сего – недостаток исторических источников, ибо повествование евангелиста Луки об апостольских деяниях Павла оканчивается вместе с историей его первого заключения. Из последующих писателей первых трех веков никто не обращал особенного внимания на Деяния святых апостолов. Сами собиратели христианских древностей, Папий и Егезипп, также не могли бы служить пособием в этом случае, ибо Евсевий, который пользовался их трудами (для нас давно потерянными), сообщает весьма немного об участии Павла. Потому нам остается лишь привлечь к рассмотрению только некоторые указания о последнем периоде Павловой жизни, кои находятся в его посланиях и сочинениях некоторых писателей древней Церкви. В утешение тем, кто желал бы в точности видеть, как этот великий светильник Церкви оканчивал светозарное течение своих дней, может служить следующее прекрасное место из бесед святителя Иоанна Златоуста на Деяния святых апостолов. «Для чего ты, – вопрошает он, – желаешь знать последующие деяния Павловы? Они таковы же, как и предшествующие: узы, мучения, томительные подвиги, темницы, наветы, клевета, ежедневная смерть. Ты видел малую часть, таковыми же представляй и остальные. Когда ты смотришь на небо, то хотя и видишь меньшую его часть, но с нею сходны все прочие, так что сколько бы ты ни переменил мест, небо все то же. Точно так же рассуждай и о Павле».

Не будучи обвиненным в историческом неверии, нельзя сомневаться, что Павел по своем освобождении предпринимал четвертое апостольское путешествие, продолжавшееся до его последних уз. Такое сомнение было бы несовместимо и с Павловыми посланиями, писанными из Рима, в которых он дает многократные обещания снова посетить своих учеников, и со всеобщим преданием Церкви. Даже вопрос: куда было предпринято четвертое путешествие, может быть разрешен, хотя и не вполне совершенно. Если мы не представляем себе всех мест, посещенных в это время Апостолом, то с достоверностью знаем некоторые из них. Из Второго послания к Тимофею, написанного во время последних уз, открывается, что автор его незадолго перед тем был в Коринфе, на Мелите, в Икони, Листрах и Антиохии и в трех последних городах весьма много претерпел гонений (2Тим. 3:11, 4:13, 20). Значит, последнее путешествие

было предпринято Павлом на Восток, и именно к тем Церквам, которые почитали его своим учителем. На Востоке он, без сомнения, исполнил свое намерение посетить Колоссы (Кол. 2, 5) и Филиппы (Флп. 1, 25); сопредельные с ними Церкви (исключая Ефесскую, пастве которой Павел, во время прощания с ними, предсказал, что они не увидят более его лица) также, конечно, имели утешение насладиться лицезрением своего основателя.

Есть мнение, что последнее путешествие Павлово простерлось до Палестины. Оно основывается на 13 главе Послания к Евреям, где Апостол изъявляет надежду увидеться с евреями, к которым он и писал (Евр. 13, 23). Но основание это слабое. По признанию едва ли не всех критиков, Послание сие было написано не к палестинским евреям, по крайней мере, не к ним одним, а ко всем христианам, евреям по происхождению. Возражение, что под именем евреев во времена Апостолов разумелись палестинские евреи, а жившие вне Палестины назывались эллинами, мало что решает уже потому, что Послание это не было непосредственно написано рукою самого Апостола. Впрочем, весьма сомнительно и то, чтобы евреи, жившие вне Палестины, никогда не назывались евреями, а всегда эллинами. Предпринять путешествие в Иудею значило для Апостола без нужды подвергать себя неизбежным опасностям. К тому же в Палестине не было Церквей, основанных Павлом, ибо жребий его служения был – проповедовать язычникам, а не обрезанным, для палестинских же иудеев назначены были Промыслом другие Апостолы. Павел и прежде всегда являлся в Иерусалим не столько как Апостол, а более как посетитель сего града.

Гораздо вероятнее мнение тех, кто полагает, что Павел, после обозрения Восточных Церквей, посетил Испанию. Выражение священномученика Климента, папы Римского: «доходивший до последних пределов Запада», заставляет думать именно так, ибо последним пределом Запада не могут быть, как толковали некоторые, ни Италия, ни Британия. Это, бесспорно, Испания, последний рубеж которой назывался концом земли. Павел еще в Послании к Римлянам изъявлял желание побывать в Испании. Но время, как утверждали некоторые, протекшее от освобождения Павлова до последних уз, недостаточно было для того, чтобы с Востока предпринять путешествие в Испанию. Возражение это не очень весомое. За четыре года можно было совершить путешествие и на Восток, и на Запад, тем более, что последнее путешествие Павлово по Востоку было предпринято не столько для новой проповеди, сколько для преподания последнего утешения верующим.

Между тем как великий учитель язычников обходил в последний раз прекрасными своими стопами Восток и Запад, в Риме возгорелось гонение на христиан. Нерон, зажегший в безумии эту столицу мира, чтобы увидеть в том подобие горящей Трои, во избежание ненависти к себе от римлян за учиненное им злодейство тем охотнее возложил всю вину за это на христиан, ибо суеверный народ уже давно был расположен почитать их врагами общественного благоденствия. Мщение за мнимые поджоги всюду искало себе жертв: одних христиан, одетых в звериные шкуры, предавали на растерзание псам, другие, с ног до головы облитые горючими веществами, должны были, постепенно сгорая, освещать собою в ночное время Нероновы сады. Для Римской Церкви потребна была вся вера и терпение, дабы не пасть под тяжестью креста. Мог ли Павел оставаться равнодушным слушателем известий о кровавой борьбе христианства с язычеством? Мог ли он оставить без утешения возлюбленных своих чад в Риме? Напротив, он немедленно явился к ним, чтобы разделить с ними мученический венец, о получении которого он предуведомлен был, как свидетельствуют Святые Отцы, данным ему откровением. Та же причина, вероятно, привела в Рим и апостола Петра. Узы немедленно соединили этих первоверховных Апостолов, жребий служения которых разделял их в продолжение целой жизни. Нерон в это время был уже чудовищем, а не человеком, поэтому Апостол еще до вынесения окончательного приговора над собою писал Тимофею о скором отшествии своем из сего мира и просил его прийти к себе (2Тим. 4, 6–9). Судя по этой просьбе, следует предположить, что в узах Павел пребывал и последние, по крайней мере, несколько месяцев своей земной жизни.

Поводом же, побудившим к осуждению Павла на смерть, для Нерона, по сказанию святителя Иоанна Златоуста, явилось следующее: Апостол, несмотря на опасность, продолжал возвещать имя Христово и обратил в веру одну из наложниц тирана, им страстно любимую. Обращенная решительно отказалась разделять с Нероном бесчестное ложе. Матереубийца вскипел гневом и, узнав, что Павел виновен в этом, осудил его на казнь.

Предание, почти всеми принятое, говорит, что апостол Павел был замучен вместе с апостолом Петром. Но есть и другое суждение, согласно которому Павел пострадал спустя год после смерти Петра, впрочем, в тот же самый день, то есть 29 июня.

Лактанций пишет, что эти апостолы перед концом своей жизни пророчествовали о том, что Бог вскоре воздвигнет царя в Риме, который опустошит Иерусалим, разрушит иудейский храм и рассеет иудеев по

всему миру. Орудием казни Павла, как римского гражданина, послужил меч. Усекновение главы его последовало около 67 года по Рождестве Христовом⁶⁵, когда Апостол был уже в преклонных летах, на месте, называемом Салвианскими источниками, в правление Гелия и Поликлита, которым Нерон, на время своего путешествия в Грецию, поручил верховную власть. Честные Павловы останки были погребены верующими близ Рима. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что их страшились демоны и почитали Ангелы и что верующие со всех концов земли с благоговением стекались для поклонения Павлову гробу. Над этим гробом Константин Великий, по совету святителя Сильвестра, папы Римского, воздвиг малую церковь, которая потом была расширена Валентинианом.

«Так скончал течение свое избранный сосуд Христов, учитель языков, всемирный проповедник, самовидец небесных высот и райских доброт, предмет внимания и удивления Ангелов и человеков, великий подвижник и страдалец, язвы Господа своего на теле своем понесший, святой верховный апостол Павел, и вторично уже и кроме тела, до третьего неба взятый!» (святитель Димитрий Ростовский, Четии Минеи, 29 июня).

Замечания касательно внешнего вида, природных дарований, характера и писаний апостола Павла, его почитание Отцами Церкви

Из Второго послания к Коринфянам заключают, что апостол Павел был весьма не замечателен по виду и мал ростом. Святитель Иоанн Златоуст в одной беседе называет его человеком в три локтя. Полагают, что сочинитель Филопатриды (Лукиан, или кто другой) имел в виду Павла, когда выводил на зрелище Галилея – персонажа с орлиным носом, у коего на верхней части головы не было волос, по воздуху восходившего до третьего неба. Но никто не оставил нам такого подробного описания внешности Павла, как Никифор Каллист. «Павел, – говорит он, – был ростом мал, непрямым и несколько согбен, лицо у него было чистое и являло признаки долгих лет, голова плешива, в глазах его усматривалось весьма много приятности, брови поднятые вверх и как бы разбегающиеся, нос продолговат с приятною неравносностью, борода густая и довольно длинная, по местам с сединою, также как и голова». Портрет весьма выразительный, жаль вот только, что он написан спустя 13 веков по смерти Апостола и неизвестно, с какого подлинника!

Если и в самом деле апостол Павел был мал ростом, то на нем оправдалось мнение, что в малом теле нередко бывает истинно великая душа. Благодать, без сомнения, преобразовала и усовершенствовала в нем дары природы, но эти дары и сами по себе были весьма велики. Нет ни одного качества, потребного для великих умов и великих характеров, коего не усматривалось бы в Павле. Святитель Иоанн Златоуст равнял его по естественным дарованиям к любознанию с Платоном – сравнение неопределенное, ибо и тот, и другой действовали при совершенно различных обстоятельствах: один во свете Духа Божия, другой – при слабом светильнике разума, но то несомненно, что гений Павла, если бы Промысл судил ему явиться под небом Греции, не потерялся бы в толпе последователей Платоновых и к списку греческих мудрецов прибавилось бы еще одно великое имя.

Характер Павла есть характер вселенского учителя, характер посланника Божия к роду человеческому. «Когда, – витийствует святитель Иоанн Златоуст, – ты скажешь `Апостол`, то все разумеют Павла, точно так же, как при имени `Креститель` всякому приходит на мысль Иоанн». У Павла все служит на пользу Евангелия, к славе Божией: и довольство, и

нищета, и похвала, и поругания, и свобода, и узы, друзья и враги, жизнь и смерть. Перед ним, как пред Богом, Коего он посланник, нет ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского – все едино во Христе Иисусе. С язычниками – он язычник, беседует о естественной религии, ссылается на их поэтов, прощает им годы их неведения об истинном Боге; с иудеями – иудей, рассуждает о знаменовании обрядового закона, совершает обеты, соблюдает различия, предписанное законом; со слабыми совестью – слаб, умеряет свободу христианскую, воздерживается от идоложертвенного, хотя совершенно уверен, что идол есть ничто. Но во всех случаях виден учитель истины, образец нравственной чистоты, сосуд благодати. «Не погрешит тот, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – кто назовет Павлову душу морем и небом: небом по чистоте, морем по глубине. В сем море нет драгоценных зерен, но есть вещи, драгоценнейшие всякого перла. Кто пожелает углубиться в сие море, тот найдет в нем все сокровища, кои сокрыты в Царстве Небесном».

Ни один из Апостолов не оставил нам столько писаний, как Павел. Его четырнадцать посланий всегда признавались Церковью за источник истинного христианского учения. По некоторым особым обстоятельствам Послание к Евреям приписывалось другим авторам, впрочем, без достаточных на то оснований. О принадлежности же прочих посланий никогда не было спора. Древние еретики, поражаемые истинами, в них содержащимися, старались исказить некоторые места, но эти повреждения были немедленно замечены, обличены и нимало не повредили подлинности Павловых посланий.

Дух этих посланий есть дух живой веры в Иисуса Христа, в отличие от мертвой деятельности подзаконной праведности. Здесь мы видим, как падший человек не способен сам по себе и помыслить о чем-либо добром, тем более исполнить в точности все повеления закона Божия; как Бог Отец, по неизреченной любви Своей к преступному роду человеческому, определяет извлечь его из бездны зла, в которую увлекло его падение праотца; как Бог Сын в тайне Предвечного Совета приемлет на Себя великое дело искупления, в predeterminedенное время является на земле в образе человека, смертью Своею упраздняет царство греха и смерти и потом, вознесшись на небо, посаждается одесную Отца, ожидая, доколе все враги Его Царства будут положены в подножие ног Его; как Дух Святой Своим благодатным действием усвоит верующим заслуги Сына Божия, напишет новый закон жизни в сердцах их, изливает на них любовь Божию, ходатайствует о них пред Богом и соделывает их новою тварью,

созданною во Христе на благие дела. Павел часто вводит читателей во мрак ветхозаветных прообразований, но эти прообразования теряют у него свою мрачность и являются светлыми и живыми образами, в которых всякий без труда находит для себя назидание и утешение. Как учитель веры, он большею частью учит, обличает и исправляет, но в некоторых случаях, к утешению верующих, повествует, как дееписатель, и предсказывает будущее, как пророк. Ему принадлежат предсказания об умножении в последние времена лжеучителей и обращении народа иудейского к Иисусу Христу пред Его Вторым Пришествием, о явлении антихриста, о безумной его гордости, ложных чудесах и ужасной казни. По выпренности созерцания Павел может столь же справедливо, как и Иоанн, именоваться орлом богословия. В первой главе Послания к Евреям господствует возвышенность мыслей, подобная той, которой удивляемся в первой главе Иоаннова Евангелия.

О внешнем образе изложения своих мыслей Павел сам им дает отзыв, когда говорит, что слово и проповедь его состояли «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1Кор. 2, 4). В другом месте он даже называет себя "невеждою в словах (2Кор. 11, 6). Без сомнения, он понимает здесь то буйство проповеди, коим благоволил Бог спасти мир, непознавший Бога в Премудрости Божией, то немудрое Божие, которое премудрее всех человеков (1Кор. 1, 21, 25). Впрочем, хотя Павел не заботился о том, чтобы польстить слуху и вкусу тех, к кому он писал, но естественный дар красноречия, освященный Духом Божиим, никогда не оставлял его. Нет почти ни одного украшения мыслей и слов, для которых не находилось бы прекрасных образцов в Павловых посланиях. Из них одних можно извлечь все правила для церковного витийства. Лонгин, не будучи христианином, ставил Павла за красноречие в один ряд с лучшими греческими витиями.

Нелишне заметить, что Павловы послания писаны не им самим, а писцом, которому они были продиктованы (Рим. 16, 22). Павел только имел обыкновение подписывать собственноручно в конце Послания приветствие, что служило отличительным знаком, подтверждавшим истинную принадлежность писаний ему (1Кор. 16, 21; Кол. 4, 18). Причина этого, по сказанию святителя Иоанна Златоуста, состояла в том, что почерк его был весьма неисправен и нечеток.

Неблагодарное усердие к памяти Апостола, нечистое намерение приккрыть свои вымыслы его высоким именем, а также предосудительное желание восполнить собственными догадками некоторые пробелы в нашей осведомленности о его общественном служении были причиной того, что

под именем Апостола появились впоследствии некоторые ложные, приписываемые ему, сочинения, как то: «Вознесение Павла, Апокалипсис, Деяния Павла и Феклы, переписка Павла с Сенекою, Послание к Лаодикийцам».

О «Вознесении Павла» так говорит святитель Епифаний Кипрский: «Еще и другую книгу вымыслили каиниты под именем Апостола, исполненную нестерпимых соблазнов, находящуюся в употреблении и у тех, кои известны как гностики. Называют же ее «Вознесение Павла». Поводом к такому подлогу послужили слова, взятые ими из Второго послания к Коринфянам, где Апостол говорит, что он восхищен был до третьего неба и слышал там неизреченные глаголы (2Кор. 12, 2). Из сихто глаголов, по их уверению, и составила оная книга». Блаженный Августин также знал эту книгу, равно как и подложность ее. «Некоторые из людей, живущих в духе, – замечает он, – достигли того, о чем человеку и говорить нельзя. Сообразно такому случаю пустые люди с невероятной дерзостью сочинили «Вознесение Павла», которое было отвергнуто Церковью, как исполненное самых нелепых вымыслов. Еще была бы отчасти сносна их дерзость, если бы Апостол сказал, что он слышал то, чего покамест нельзя говорить человеку, но когда он без оговорок возвестил, что человек не может говорить о том, что им слышано, то кто сии люди, кои дерзают так бесстыдно и нелепо говорить об этих предметах?» Более о «Вознесении Павла» ничего неизвестно.

Подобного достоинства и «Павлов Апокалипсис». Рассказывают, что книга эта была найдена по откровению в Тарсском доме апостола Павла, под землею, в мраморном ящике, и одно время пользовалась уважением у некоторых монахов. Сообщивший об этом уверяет, что когда он, сомневаясь в истине сего происшествия, спросил о нем одного престарелого пресвитера Тарсского, то тот решительно отвечал, что в Тарсе никто не слышал об этом происшествии и что оно, равно как и книга, без сомнения, суть вымыслы еретиков. Обе описываемые книги давно потеряны, если только можно назвать сие потерю.

О «Деяниях Павла и Феклы» упоминал еще Тертуллиан. Он же говорит, что сочинитель их – один азиатский пресвитер, который, будучи уличен в подлоге, признался, что он сделал его из любви к Павлу. «Деяния» эти дошли до наших времен с некоторыми дополнениями и изменениями. Содержание их составляют: чудесное обращение Павлом Феклы, мученичество последней и множество чудес, его сопровождавших. Основую этого сочинения могло быть и истинное происшествие, ибо многие из древних писателей в своих творениях упоминают о

первомученице Фекле⁶⁶.

«Переписка Павла с Сенекою», хотя блаженный Иероним Стридонский и верил в ее подлинность, не стоит не только Павла, но и Сенеки. Она включает в себя тринадцать писем, весьма бедных по содержанию. Все они суть произведения одного пера. Латинский язык непрестанно изменяет автору. Несмотря на краткость, в письмах содержится много грубых исторических ошибок, вовсе не уместных для Сенеки. Философ удивляется мудрости Апостола, производит ее от Духа Святого и в то же время советует ему поболее заботиться о слоге.

«Послание к Лаодикийцам» состоит из двадцати стихов – так ленив был его сочинитель, несмотря на всю свою охоту писать за других! И эти двадцать стихов суть не что иное, как буквальные выборки из других Павловых посланий, так что нельзя отыскать произведения, которое было бы по своему содержанию более незначительно, чем это Послание. Блаженный Иероним знал его и почитал подложным.

Кроме этого, на армянском языке есть два письма – одно Павлу от Коринфян, другое – к ним от Павла. Сочинитель думал, без сомнения, восполнить мнимую потерю Павлова Послания, которого, по-видимому, никогда не существовало (1Кор. 5, 9).

Сами подложные сочинения, нами перечисленные, показывают уже, что имя Павла еще в первые века христианства было именем, вызывающим уважение. Из одних названий, коими христианские писатели старались выразить величие и доблесть Павловой души, может составить целое Слово в похвалу этому Апостолу. Церковь присвоила ему вместе с Петром наименование «первоверховного», но по апостольским трудам всегда признавала его первым из Апостолов. Святитель Иоанн Златоуст, кажется, никогда не был так красноречив, как тогда, когда рассуждал о Павле. Он написал ему несколько похвальных Слов, с особым тщанием изъяснял его послания, называл его своим учителем, посвятил ему (если верить преданию) свои толкования на Священное Писание, весьма часто и в беседах, и в других сочинениях обращался к Павловым деяниям, подражал ему в образе мыслей и в самих выражениях. Вот слова, которыми он заключает свое толкование на Послание к Римлянам и которыми столь же прилично будет и нам заключить Павлово жизнеописание:

«Кто даст мне ныне прикоснуться к телу Павла, прильнуть ко гробу его и увидеть прах этого тела, которое восполнило в себе недостаток скорбей Христовых, носило на себе язвы Господа своего?

...Да узрю прах тех уст, кои изрекли блаженные слова: «я желал бы сам быть отлучен... от Христа за братьев моих» (Рим. 9, 3), кои вещали

пред царями и не стыдились...через кои Христос провещал великие и неизреченные тайны, большие, нежели возвестил Сам... Чего не совершали сии уста? Демонов изгоняли от грехов избавляли, заграждали уста мучителям, связывали язык философов, вселенную обратили к Богу, варварам внушили любомудрие, все, что на земле, преобразовали, располагали по воле всем, что на небе, связывая и разрешая по данной им власти.

Желал бы видеть я прах и оногo сердца, которое всякий может смело, не погрешая, назвать сердцем вселенной... Так пространно было сие сердце, что могло вмещать целые города, племена и народы. «Сердце наше расширено» (2Кор. 6, 11), – говорит он... Сердце, которое жило новою, а не этою нашею жизнью: «уже не я живу, – говорит он, – но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). Итак, сердце Павла было сердцем Христовым, скрижалями Духа Святаго, книгою благодати...

Желал бы видеть я и прах рук, узами связанных, возложением преподававших Духа Святаго, написавших сии строки: «видите, как много написал я вам своею рукою» (Гал. 6, 11), оных, говорю, рук, увидев которые, ехидна упала в огонь.

Желал бы видеть я и прах очей, претерпевших счастливую слепоту и снова прозревших для блага всего мира, удостоившихся видеть телесно Иисуса Христа, очей, кои земное видя, не видели, а созерцали невидимое, кои сна не знали, в полнощи были бодры, в коих не было никакой зависти.

Желал бы видеть я и прах ног, кои не утруждаясь проходили вселенную, которые были забиты в колоду, но освобождены землетрясением.

Но для чего исчислять все в подробности? Я желал бы видеть гроб, в котором положено оружие правды, оружие света, члены, теперь живые, но мертвые тогда, когда он (Павел) жил, в коих всех жил Христос, кои распяты были миру, члены Христовы, во Христа облеченные, храм Духа, жилище святыни...

Все сие представляя, будем стоять мужественно, ибо и Павел был человеком одной с нами природы, имея все то, что есть и у нас. Но так как он показал величайшую любовь к Иисусу Христу, то взошел превыше небес и находится теперь среди Ангелов. Таким образом, если и мы решимся встать от духовной недеятельности и оживить в сердце нашем этот огонь любви, то и мы в состоянии будем подражать сему праведнику. Если бы это было для нас невозможно, то он не воскликнул бы, говоря: «подражайте мне, как я Христу» (1Кор. 4, 16). Итак, не будем только лишь

удивляться Павлу, но будем и подражать ему, дабы по отшествии из сей жизни нам удостоится узреть его и разделить с ним неизреченную славу, которая да будет уделом всех нас, по благодати и милости Иисуса Христа, Коему со Отцем и Святым Духом слава, честь и держава ныне, всегда и во веки веков. Аминь».

Примечания

¹ - Святитель Амвросий Медиоланский, блаженные Иероним Стридонский и Августин Иппонийский, Феодорит Кирский и другие.

² - Доказательство этому, заимствуемое из слога Павловых писаний, нимало не противоречит догмату о вдохновении святых писателей. Ибо если даже принять мнение некоторых древних писателей (в чем, впрочем, нет никакой нужды), что Дух Святой вдыхал писателям не только мысли, но и самые слова, то надо утверждать, что Он при этом сообразовался с их естественными способностями и познаниями, иначе нельзя объяснить, почему слог каждого святого писателя сообразен с его характером.

³ - Выражение: «Принеси... книги, особенно кожаные» (2Тим. 4, 13), кажется, показывает уже, что Апостол разумел под этими книгами не один только Ветхий Завет, как думают некоторые.

⁴ - Гамалиил был сын Симеона, внук Гиллела, названный за ученость в отличие от обыкновенных раввинов «равваном». Талмуд усвоит ему главное начальство над фарисейским училищем в Иерусалиме.

⁵ - У древних иудеев даже обратилось в пословицу, что кто не обучает сына своего какому-нибудь ремеслу или искусству, тот учит его красть.

⁶ - Одни понимают под ним делание инструментов; другие – ковров; иные – попон или войлоков, из которых составлялись палатки; многие – просто делание палаток, которые на Востоке по причине жаркого климата и недостатка в гостиницах были в великом употреблении у путешественников. Последнее мнение вероятнее, ибо и святитель Иоанн Златоуст, который, конечно, хорошо знал смысл слова "скинотворец", употреблял вместо него выражение «сшиватель палаток». Киликия, отечество Павла, славилась материалами для таковых.

⁷ - Зилотами назывались у иудеев некоторые ревнители отечественной религии и свободы, которые, проповедуя, что народ Божий не должен платить дани кесарю, позволяли себе убивать тех, которые, будучи благоразумнее, имели твердость противиться их возмутительным замыслам.

⁸ - Ибо только они могли решиться на убиение Стефана вопреки узаконению римлян, чтобы смертные приговоры исполнялись не прежде утверждения их прокуратором.

⁹ - Спрашивается: какую власть имел первосвященник над синагогой чужеземной, дамаской? Из творений Иосифа Флавия видно, что

чужеземные синагоги добровольно повиновались Верховному иерусалимскому синедриону, особенно в делах, касающихся религии, как то: в распознании ложного учения, лживых пророков и тому подобное, и что римские областные правители не противились этому обыкновению, которое имело вид некоторого национального закона у иудеев.

¹⁰ - Как много было иудеев в Дамаске, можно заключить из того, что, по свидетельству Флавия, жители Дамаска в царствование Нерона, захватив внезапно 10 000 иудеев, предали их смерти.

¹¹ - Из того, что дочь Ареты была замужем за Иродом Антипой, некоторые заключают даже, что он был иудейский прозелит (новообращенный в их веру).

¹² - В повествованиях евангелиста Луки и апостола Павла об этом случае усматривается некое разночтение. Первый говорит, что спутники Павловы голос слышали, но никого не видели (Деян. 9, 7); последний рассказывает, что бывшие с ним свет видели, но слов Того, Кто говорил с ним, не слышали (Деян. 22, 9). Были такие, которые думали согласовать эти места, считая, что в первом случае прозвучал голос Павла, а в последнем – Иисуса Христа. Но такое пояснение нарушает строй речи, ибо сказанным словам в первом случае непосредственно предшествуют слова не Павловы, а Христовы, а потому если бы святой Лука имел в виду голос Павла, то не просто сказал бы: "голос", а присовокупил бы: "его". Гораздо лучше изъяснение тех, кто полагает, что слова: «не слышали» в последнем случае означают: «не разумели слышанного». Так употребляет это слово сам Павел в другом месте (1Кор. 14, 2). Но как можно было слыша не разуметь? Может быть, спутники Павла не знали еврейского языка, на котором говорил с ним Иисус Христос, или находились в некотором отдалении от Павла и потому не слышали произнесенных слов, или Говорившему угодно было, чтобы слова Его разумел лишь один Савл.

¹³ - Для чего, спрашивает святитель Иоанн Златоуст, Павел не ел и не пил? И отвечает: осуждал по совести свои деяния, исповедовался в них пред Богом, молился, просил о помиловании.

¹⁴ - По отзыву самого Павла, Анания был «муж благочестивый по закону, одобряемый всеми иудеями, живущими в Дамаске» (Деян. 22, 12). Древнее предание говорит, что он был из числа 70 Апостолов.

¹⁵ - В самом деле, в знаменитом своей древностью Пасхальном, или Александрийском, времянке читается «четыре». Допустив такое прочтение, можно исключить многие трудности, например, что Павел по своем обращении прожил в бездействии десять лет в Тарсе. Притом весьма

легко показать, каким образом могло произойти нынешнее чтение из древнего: переписчик вместо «четыре» мог написать «четырнадцать», допустив тем самым ошибку, которая потом и вошла в текст.

¹⁶ - Евангелист Лука повествует, что сами иудеи стерегли ворота (Деян. 9, 24), а по словам Павла, их стерег дамаский правитель (2Кор. 11, 32). Здесь или иудеям приписывается то, чего они добились своими просьбами, или некоторые из них присоединились к аравийской страже, чтобы указать ей Павла, для нее неизвестного, или градоначальник был поставлен, разумеется не языческий, а иудейский, ибо иудеи в некоторых городах имели своих управителей.

¹⁷ - Что не сами христиане назвали себя этим именем, видно из того, что они и после долго не употребляли его, довольствуясь прежними именами: учеников, верующих, назореев, и что сам Павел ни разу не употребил его в своих посланиях

¹⁸ - Второе послание к Коринфянам написано Павлом, как достоверно полагают историки, в 58 году по Рождестве Христовом. Поскольку же откровение, о котором здесь говорится, последовало, по словам самого Павла, «четырнадцать лет... тому назад», то оно приходится на конец 44 или на начало 45 года по Рождестве Христовом – на то самое время, когда, видимо, и было положено начало апостольским путешествиям Павла.

¹⁹ - 1) завеса, 2) протяжение или твердь, 3) облака, 4) обиталище, 5) обитание, 6) постоянное жилище, 7) аработ.

²⁰ - Город Саламин лежит на восточной стороне Кипра, а Паф – на западной.

²¹ - Поэтому она и называлась Венера Пафская, царица Пафская.

²² - Она лежала во Фригии и названа была так в отличие от Антиохии Сирской.

²³ - Почему ликаонцы почли Апостолов за Зевса и Гермеса, а не за других каких-либо богов? Во-первых, древние язычники верили, что боги посещают иногда города, им посвященные, а в Листрах был храм Зевса (Деян. 14, 13). Вероятно также, что и Гермес, как бог торговли особенно уважаемый всеми жителями Малой Азии, имел храм в этом городе. Во-вторых, из мифологии известно, что Гермес имел обыкновение сопровождать Зевса во время его нисшествия на землю.

²⁴ - Не наблюдая различия яств, предписываемого законом Моисеевым.

²⁵ - Выражение это в подлиннике означает сильную досаду. Так

слабость поврежденной природы человеческой обнаруживается иногда и в таких чистых душах, как Павлова, чтобы они не превозносились.

²⁶ - Сын иудеянки от язычника не мог быть обрезан без согласия отца, как видно из Талмуда, а отец Тимофея, вероятно, не хотел видеть его таковым. На тот час его уже не было в живых.

²⁷ - Поскольку и прочие города, через которые проходил Апостол, и сама Галатия принадлежали к Малой Азии, то под Азией здесь следует подразумевать Ионию, которая в древности была известна под этим именем.

²⁸ - Каким именно образом Павел был остановлен Духом Святым, чтобы не идти в Азию и Вифинию, нельзя определить при молчании о том Священного Писания.

²⁹ - Кто был сей муж? Некто в образе македонца. Этот образ мог принять Ангел, или он мог быть произведен в воображении Павла высшею силою.

³⁰ - Святой Лука называет Филиппы первым городом в этой части Македонии (Деян. 16, 12). Но главными городами Македонии, разделенной на четыре части, были: Амфиполь, Фессалоники, Пелла и Пафлагония. В этом нет противоречия, ибо название "первый", как явствует из древних монет, иногда давалось не одним главным, но и знаменитейшим городам. Поскольку святой Лука при повествовании о путешествиях Павла с этого момента третье лицо заменяет на первое (Деян. 16, 11), то вообще полагают, что он в это время сделался спутником Павловым, но где именно и по какому случаю соединились эти два великих мужа, неизвестно.

³¹ - Поэтому-то Марцелл выразил свое неудовольствие кесарю тем, что приказал высечь розгами одного из новокоменцев, коим дано было право римского гражданства.

³² - Наказавший телесно римского гражданина подвергался лишению имущества и даже смерти. Родосцы лишены были свободы Клавдием за то, что распяли некоторых римлян.

³³ - Они без всякого разыска поверили Павлову праву римского гражданства потому, что ложно присваивающие его наказывались смертью, а посему и невозможно было подозревать их в подлоге.

³⁴ - Афиняне, чтобы не оставить ни одного чужестранного бога без знака своего уважения, ставили алтари с такой надписью.

³⁵ - Последователи Эпикура не верили провидению и бессмертию

души и одобряли добродетель единственно за удовольствие, доставляемое ею. Стоики и верили и не верили в бессмертие. Клеанф утверждал, что души будут существовать до сожжения мира. Хрисипп считал это преимуществом только душ добродетельных. Другие думали, что души по разрешении от тела возвращаются в огненную природу Божества.

³⁶ - Некоторые думали, что Павел был представлен в Ареопаг на суд. Но из всех обстоятельств и его речи видно, что он говорил в Ареопаге не как обвиняемый, а как разномыслящий, как учитель новой религии.

³⁷ - Кто крестил их? Аполлос? Но он, наученный Акилою и Прискиллою, внушил бы им веру в Иисуса Христа (Деян. 18, 25–26). Вероятно, это выходцы из Палестины, которые, приняв от Иоанна или ученика его крещение, оставили Иудею прежде, нежели там распространилось христианство.

³⁸ - Это был какой-нибудь софист или народный учитель, каких в греческих городах было весьма много. Что он не иудей, видно из того, что Павел "отделился» (Деян. 19:9) от иудеев.

³⁹ - Скева не был, собственно, первосвященником иудейским, а только начальником одного из отделений, на которые разделялись священники (2Пар. 36, 14; 1Пар. 24, 6; 2Мак. 3, 4).

⁴⁰ - Иосиф Флавий повествует, что искусство заклинать нечистых духов было в великом употреблении среди его соотечественников и что его производили со времен Соломона.

⁴¹ - Ефес был так богат подобными людьми, что всюду были в употреблении так называемые ефесские граматки, которым приписывали сверхъестественные свойства.

⁴² - Вот сущность сказания: разъяренный народ заключил Апостола в темницу с намерением бросить его в пищу зверям. Ночью Павел чудесным образом вышел из нее для преподания крещения двум женщинам и снова возвратился в темницу, не замеченный никем. Лев, выпущенный из клетки на Павла, упал со смирением к его ногам; то же сделали и другие звери. Тем временем, внезапно выпавший необыкновенный град убил многих зрителей и зверей, исключая льва, который убежал в лес, и Апостол освободился. Очевидно, что здесь, в сказании, смешаны два рода наказаний, совершенно различных: первое наказание – борьба со зверями, на которую осужденный выходил в вооружении и нередко оставался победителем, а повержение на съедение зверям – это была другая казнь. Павел, если принять слова его: «боролся со зверями», в собственном смысле, осужден был на первую.

⁴³ - Областные правителя над проводимыми народными играми и жертвоприношениями, названные так по провинции, им подчиненной. Такие начальники в Сирии назывались сириархами, на Кипре – киприархами.

⁴⁴ - Иосиф Флавий говорит, что между Моисеевыми законами (неписанными) был один, запрещавший иудеям хулить божества язычников. Иудейский историк заблуждался, почитая Моисея виновником этого закона, но закон стоит законодателя Синайского.

⁴⁵ - Иллириком, или Иллирией, называлась страна, лежащая между Италией, Германией, Македонией и Фракией. С одной стороны она граничила с Адриатическим морем, а с другой – с Дунаем.

⁴⁶ - Обвинение это было несправедливо. Апостол не запрещал иудеям обрезываться, а учил только, что язычники не должны этого делать и что обрезание вообще есть вещь безразличная.

⁴⁷ - У иудеев почиталось признаком особенной набожности, если кто-нибудь таким образом участвовал в чужих обетах. Участвующий мог, если хотел, подобно обещавшимся, воздерживаться от употребления известных снедей и питья. В ином случае участие состояло только в принятии на себя издержек, с которыми соединен был обет.

⁴⁸ - Она находилась близ храма, на горе Мориа, и была названа Иродом Великим, в честь Антония, Антониевой.

⁴⁹ - Этот египтянин, по сказанию Иосифа Флавия, собрав толпу праздных и предприимчивых людей, вывел их на гору Елеонскую с обещанием, что по слову его падут стены Иерусалимские. Но вместо падения стен на них напало войско, посланное от Феликса, так что разбитый лжепророк принужден был спастись бегством.

⁵⁰ - Так многие полагали, что Павловы слова: «я не знал,.. что он первосвященник», суть ирония, и заключают в себе следующую мысль: он поступает не так, как должно первосвященнику. Другие находили в них такой смысл: я не признаю первосвященником того, кто достиг первосвященства незаконным путем. Понятый таким образом ответ Апостола мог бы еще более вывести из себя его судей, чего он, как показывают все слова его, старался избежать.

⁵¹ - При этом нужно заметить, что Анания был человеком самых худых свойств и достиг первосвященства куплею и происками.

⁵² - Правду ли сказал Павел? Правду, ибо воскресение мертвых, и в особенности Воскресение Иисуса Христа, составляло главный предмет его

проповеди (Деян. 17, 18); это догмат, с опровержением которого падало все христианство (1Кор. 15, 13–14), а его судили, главным образом, за то, что он христианин и проповедует Иисуса Христа. Павел умалчивает здесь о других частных причинах ненависти к нему иудеев, которые преследовали его особенно за то, что он распятого ими Иисуса признавал Мессией, почитал обрядовый закон ненужным ко спасению и пр. Но умолчание не есть ложь. В некоторых случаях оно не только допускается, но и одобряется нравственным законом. Павел, конечно, разъяснил бы впоследствии и то, о чем вначале умолчал, если бы судьи потребовали от него такого разъяснения. Но раз они не сделали этого, то, следовательно, не он виноват в происшедшем недоразумении, а они сами.

⁵³ - Павел желал быть сам под анафемою, только бы получили спасение иудеи, его братья по плоти (Рим. 9, 1–4), а эти жестокосердые братья подвергают себя добровольно анафеме, если не убьют Павла! Какая противоположность!

⁵⁴ - Оно нужно было потому, что к заговорщикам, число которых само по себе было немалым, а дерзость отчаянна, могли присоединиться и другие фанатики.

⁵⁵ - Евангелист Лука передает только сущность письма, а не самое письмо. Действительно, невероятно, чтобы подлинное письмо Лисия попало в руки Павла или Луки. Но содержание его могло быть известно Павлу, а от него Луке.

⁵⁶ - Дворец Иродов, который потом сделался жилищем римского правителя. При дворцах главных правителей находились места для содержания узников

⁵⁷ - А не для осквернения храма, как клеветал Тертулл.

⁵⁸ - Она была дочерью Ирода Агриппы Старшего, который обручил было ее Антиоху Епифану под условием его обращения в иудейство. Но поскольку Антиох не устоял в обещании, то брат ее, Агриппа Младший, отдал ее в супружество Агизу, царю Емесенскому. Феликс, прельщенный красотою Друзиллы, убедил ее оставить мужа и вступить с ним в брак.

⁵⁹ - Правнук Ирода Великого, внук Аристовула, сын Агриппы Старшего, последний из царей Антипатрова племени.

⁶⁰ - Женщина, по словам иудейских и римских историков, весьма зазорного поведения.

⁶¹ - Право это вместе с Халкидским престолом перешло к нему, по милости Клавдия, от дяди его по отцу Ирода, царя Халкиды Сирийской.

⁶² - Сделав это по обыкновению древних, которые при начале речи простирали вверх руку.

⁶³ - Нрав Агриппы, действительно, во многом не сходствовал с ненавистным характером его прадеда и отца и отличался умеренностью и рассудительностью.

⁶⁴ - О смерти и воскресении Иисуса Христа.

⁶⁵ - От времен святителей Иоанна Златоуста и Амвросия Медиоланского идет предание, что из усеченной шеи Апостола вместо крови истекло молоко.

⁶⁶ - Святители Григорий Назианзин, Амвросий Медиоланский, Иоанн Златоуст, преподобный Исидор Пелусиотский, блаженный Иероним Стридонский и другие.

Содержание

Жизнь святого апостола Павла святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический	1
Жизнь в иудействе	2
Обращение в христианство	10
Несогласованность изъяснения с историческими сказаниями о Павловом обращении.	15
Основывается на недоказанных предположениях.	16
Опровергает само себя.	17
Время обращения Павлова	18
Первые подвиги Павла по обращении	21
Первое апостольское путешествие Павла	25
Второе апостольское путешествие Павла	37
Третье апостольское путешествие Павла	49
Узы Павла в Иерусалиме	59
Плавание Павлово в Рим	71
Первые узы Павловы в Риме	74
Четвертое апостольское путешествие Павла и последние его узы в Риме	79
Замечания касательно внешнего вида, природных дарований, характера и писаний апостола Павла, его почитание Отцами Церкви	83
Примечания	90